

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

- 1. Предусмотренный абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ имущественный (исполнительский) иммунитет означает запрет обращать взыскание на любой вид жилого помещения, определенный Жилищным кодексом РФ, если такое жилое помещение является для должника и членов его семьи единственным пригодным для постоянного проживания помещением и не является предметом ипотеки**

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 9 февраля 2016 г. № 78-КГ15-44*

(Извлечение)

Как было установлено судом, 22 октября 2010 г. на основании исполнительного листа, выданного в соответствии с решением районного суда, судебным приставом-исполнителем было возбуждено исполнительное производство № 1, предметом которого являлось взыскание с М. в пользу П. денежных средств.

Учитывая, что М. на праве собственности принадлежали 13/63, 18/63 и 13/63 доли в праве общей долевой собственности на квартиру, 9 декабря 2010 г. постановлением судебного пристава-исполнителя на указанные доли в праве общей долевой собственности на квартиру был наложен арест.

17 января 2014 г. в рамках исполнительного производства о взыскании в пользу П. денежных средств был составлен акт о наложении ареста в отношении комнаты в квартире, что соответствовало 13/63 доли в четырехкомнатной квартире.

20 мая 2014 г. постановлением судебного пристава-исполнителя были приняты результаты

оценки 13/63 доли в праве общей долевой собственности на квартиру, произведенной оценщиком, и его же постановлением указанное имущество было передано для реализации на торгах.

28 июля 2014 г. постановлением судебного пристава-исполнителя в связи с исполнением было окончено исполнительное производство № 1.

30 июля 2014 г. было возбуждено исполнительное производство № 2 о взыскании с М. исполнительского сбора за неисполнение требований исполнительного документа в пользу взыскателя ЗАО “Банк “Советский”.

4 августа 2014 г. судебным приставом-исполнителем было вынесено постановление о возбуждении на основании исполнительного листа, выданного 30 июля 2014 г., исполнительного производства № 3, предметом исполнения по которому являлось взыскание с М. в пользу П. процентов.

На основании дубликата исполнительного листа, выданного судом первой инстанции, судебным приставом-исполнителем было возбуждено исполнительное производство № 4, предметом исполнения по которому являлось взыскание с М. в пользу ЗАО “Банк “Советский” денежных средств.

Исполнительные производства № 2 и № 3 были объединены в сводное исполнительное производство № 5.

30 сентября 2014 г. на основании акта передачи на реализацию арестованное имущество в виде 13/63 доли в квартире было передано судебным приставом-исполнителем на реализацию.

М. обратилась в суд с заявлением об обжаловании действий судебного пристава-исполнителя и просила признать незаконными: постановление судебного пристава-исполнителя о передаче имущества на реализацию, заявку на реализацию

имущества, передачу на реализацию арестованного имущества, акт передачи арестованного имущества для реализации от 30 сентября 2014 г.; просила обязать заинтересованное лицо направить в регистрирующий орган уведомление о снятии ареста на принадлежащие ей доли в праве собственности на квартиру, полагая, что судебный пристав-исполнитель незаконно передал на реализацию принадлежащие ей 13/63 доли в праве собственности на квартиру после окончания исполнительных производств, а также в связи с тем, что данная квартира является единственным принадлежащим ее семье жилым помещением.

Суд первой инстанции, принимая решение о частичном удовлетворении требований М., пришел к выводу о том, что, поскольку на 28 июля 2014 г. исполнительное производство о взыскании денежных средств в пользу П. было окончено в связи с полной оплатой задолженности, а второй исполнительный лист был отозван взыскателем ЗАО «Банк «Советский», постольку установленные судебным приставом-исполнителем в рамках основного исполнительного производства ограничительные меры могли быть сохранены только в размере, необходимом для взыскания исполнительского сбора, в связи с чем оснований для сохранения ареста имущества должника и передачи арестованного имущества на реализацию не имелось. При этом суд первой инстанции отклонил доводы М. о том, что принадлежащие ей три доли в праве общей долевой собственности на недвижимое имущество, приобретенные по трем сделкам, являлись неделимым жилым объектом и не подлежали реализации.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции в части удовлетворения требований М. и принимая в этой части новое решение об отказе в их удовлетворении, указал, что в связи с нахождением на исполнении у судебного пристава-исполнителя на 28 июля 2014 г. сводного исполнительного производства № 5 он в соответствии со ст. 87 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» имел законные основания для составления 30 сентября 2014 г. акта передачи арестованного имущества на реализацию. При этом суд апелляционной инстанции также отклонил довод М. о том, что обращение взыскания на 13/63 доли в праве общей долевой собственности на квартиру противоречит ч. 1 ст. 446 ГПК РФ, сославшись на то, что спорная квартира являлась квартирой коммунального заселения, арест был наложен на комнату (что соответствовало 13/63 доли в квартире), которая в силу ст. 16 Жилищного кодекса РФ являлась самостоятельным объектом жилищных прав должника.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ 9 февраля 2016 г. не согласилась с указанными выше выводами судебных инстанций по следующим основаниям.

В соответствии со ст.ст. 1 и 7 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» (далее — Закон о государственном кадастре недвижимости) сведения об уникальных характеристиках объек-

та недвижимости вносятся в государственный кадастр недвижимости, который является систематизированным сводом сведений об учтенном в соответствии с данным Федеральным законом недвижимом имуществе; к числу таких сведений относятся, в частности, такие сведения, как вид объекта недвижимости (земельный участок, здание, сооружение, помещение, объект незавершенного строительства); кадастровый номер и дата внесения данного кадастрового номера в государственный кадастр недвижимости; кадастровый номер здания или сооружения, в которых расположено помещение, номер этажа, на котором расположено это помещение (при наличии этажности), описание местоположения этого помещения в пределах данного этажа, либо в пределах здания или сооружения, либо соответствующей части здания или сооружения, если объектом недвижимости является помещение; площадь, определенная с учетом установленных в соответствии с поименованным Федеральным законом требований, если объектом недвижимости является земельный участок, здание или помещение; в государственный кадастр недвижимости вносятся также следующие дополнительные сведения об объекте недвижимости:

назначение здания (нежилое здание, жилой дом или многоквартирный дом), если объектом недвижимости является здание;

назначение помещения (жилое помещение, нежилое помещение), если объектом недвижимости является помещение;

вид жилого помещения (комната, квартира), если объектом недвижимости является жилое помещение, расположенное в многоквартирном доме.

Согласно ст. 5 Закона о государственном кадастре недвижимости каждый объект недвижимости, сведения о котором внесены в государственный кадастр недвижимости, имеет неизменяемый, не повторяющийся во времени и на территории Российской Федерации государственный учетный номер (далее — кадастровый номер); кадастровые номера присваиваются объектам недвижимости органом кадастрового учета.

В силу ст. 12 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (далее — Закон о государственной регистрации) (с последующими изменениями и дополнениями) права на недвижимое имущество и сделки с ним подлежат государственной регистрации в Едином государственном реестре прав; Единый государственный реестр прав содержит информацию о существующих и прекращенных правах на объекты недвижимого имущества, данные об указанных объектах и сведения о правообладателях; разделы Единого государственного реестра прав, содержащие записи о правах на объект недвижимого имущества, возникновении, переходе и прекращении таких прав, об ограничениях (обременениях), идентифицируются в указанном реестре государственным учетным номером, не повторяющимся во времени и на тер-

ритории Российской Федерации и присвоенным этому объекту недвижимого имущества при осуществлении в соответствии с Законом о государственном кадастре недвижимости его государственного учета; в случае, если в установленном порядке объекту недвижимого имущества не присвоен кадастровый номер, идентификация объекта недвижимого имущества в Едином государственном реестре прав осуществляется по условному номеру, который присваивается ему органом, осуществляющим государственную регистрацию прав, в порядке, установленном органом нормативно-правового регулирования в сфере государственной регистрации прав.

Согласно п. 6 ст. 12 Закона о государственной регистрации Единый государственный реестр прав состоит из отдельных разделов, содержащих записи о каждом объекте недвижимого имущества; каждый раздел состоит из трех подразделов; в подразделе I содержится описание каждого объекта недвижимого имущества в объеме сведений, определенных Правилами ведения Единого государственного реестра прав; в подраздел II вносятся записи о подлежащих государственной регистрации праве собственности и об иных вещных правах на каждый объект недвижимого имущества, о существенных и об иных условиях сделки об отчуждении, сведения о правообладателе, о правоустанавливающих документах в объеме сведений, определенных Правилами ведения Единого государственного реестра прав, а также дата внесения и номер записи, имя государственного регистратора и его подпись; в подраздел III вносятся записи об ограничениях (обременениях) права собственности и других прав на недвижимое имущество, о документах, на основании которых возникают ограничения (обременения) прав, о существенных и об иных условиях сделки, на основании которой возникают ограничения (обременения) прав, в объеме сведений, определенных Правилами ведения Единого государственного реестра прав, а также дата внесения и номер записи, имя государственного регистратора и его подпись.

В случае раздела, выдела доли в натуре или других соответствующих законодательству Российской Федерации действий с объектами недвижимого имущества записи об объектах, образованных в результате этих действий, вносятся в новые разделы Единого государственного реестра прав и открываются новые дела правоустанавливающих документов с новыми кадастровыми номерами (п. 9 ст. 12 Закона о государственной регистрации).

Судом было установлено, что согласно сведениям из ЕГРП и свидетельствам о государственной регистрации права истцу в спорной квартире принадлежали на праве собственности 13/63, 18/63 и 13/63 доли на основании договоров купли-продажи. Остальные 19/63 доли в квартире принадлежали на праве собственности К.

В качестве объекта недвижимости и объекта права в ЕГРП и имеющихся у М. свидетельствах о государственной регистрации права значилась

квартира в целом, данному объекту был присвоен единый кадастровый номер.

Сведений о том, что между долевыми собственниками указанной квартиры был произведен ее раздел и выдел соответствующей доли в натуре с образованием новых самостоятельных объектов недвижимости в порядке, предусмотренном ст. 252 ГК РФ, суду представлено не было.

Кроме того, указывая на то, что комната в коммунальной квартире на момент ее приватизации признавалась самостоятельным видом жилого помещения, суд апелляционной инстанции не указал, какое правовое значение это обстоятельство имело для рассмотрения настоящего дела, в котором был поставлен вопрос об обращении взыскания на 13/63 доли в праве общей долевой собственности на квартиру уже после приватизации.

В соответствии с абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением указанного в данном абзаце имущества, если оно является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание.

Статьей 15 ЖК РФ установлено, что объектами жилищных прав являются жилые помещения (ч. 1). Жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства (ч. 2).

Согласно ч. 1 ст. 16 ЖК РФ к жилым помещениям относятся: жилой дом, часть жилого дома; квартира, часть квартиры; комната.

При этом квартирой признается структурно обособленное помещение в многоквартирном доме, обеспечивающее возможность прямого доступа к помещениям общего пользования в таком доме и состоящее из одной или нескольких комнат, а также помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком обособленном помещении, а комнатой признается часть жилого дома или квартиры, предназначенная для использования в качестве места непосредственного проживания граждан в жилом доме или квартире (чч. 3 и 4 ст. 16 ЖК РФ).

По смыслу приведенных правовых норм предусмотренный абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ имущественный (исполнительский) иммунитет означает запрет обращать взыскание на любой вид жилого помещения, определенный Жилищным кодексом РФ, если соответствующее жилое помещение является для должника и членов его семьи единственным пригодным для постоянного про-

живания помещением и не является предметом ипотеки.

Однако суд апелляционной инстанции не высказал своего суждения относительно того, являлось ли спорное жилое помещение единственным местом жительства для М. и членов ее семьи.

Между тем это обстоятельство являлось юридически значимым при решении вопроса о возможности обращения взыскания на указанный объект недвижимости, в том числе с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ, высказанной в Постановлении от 14 мая 2012 г. № 11-П “По делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой ст. 446 ГПК РФ в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова”, о том, что соответствующий имущественный (исполнительский) иммунитет в целях обеспечения конституционного принципа соразмерности в сфере защиты прав и законных интересов кредитора (взыскателя) и гражданина-должника как участников исполнительного производства должен распространяться на жилое помещение, которое по своим объективным характеристикам (параметрам) является разумно достаточным для удовлетворения конституционно значимых потребностей в жилище как необходимым средством жизнеобеспечения.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

2. По общему правилу не является общим совместным имуществом, приобретенное одним из супругов в период брака на личные средства

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 12 июля 2016 г. № 67-КГ16-2*

(Извлечение)

Судом было установлено следующее. Ч. и Г. состояли в браке с 9 сентября 2011 г. по 17 февраля 2014 г.

10 ноября 2011 г. между застройщиком и Г. был заключен договор участия в долевом строительстве, в соответствии с которым после получения застройщиком разрешения на ввод в эксплуатацию жилого дома в пользу Г. должна была быть передана однокомнатная квартира № 1.

15 декабря 2011 г. была произведена государственная регистрация данной сделки. Оплата стоимости квартиры была произведена Г. до заключения договора участия в долевом строительстве, а именно 10 октября 2011 г.

Судом также было установлено, что Г. до брака принадлежала на праве собственности квартира № 2.

Согласно договору купли-продажи от 5 октября 2011 г. Г. продала принадлежащую ей квартиру, получив от покупателей сумму от продажи 5 октября 2011 г.

Ч. обратился в суд с иском к Г. о разделе общего имущества, мотивировав свои требования тем, что на момент рассмотрения спора право собственности на квартиру № 1 в установленном законом порядке Г. зарегистрировано не было. Между бывшими супругами соглашений о разделе общего имущества не имелось. После расторжения брака спорная квартира № 1 находилась во владении и пользовании Г. Истец просил определить по 1/2 доли каждому в праве собственности на спорную квартиру.

Отказывая истцу в удовлетворении заявленных требований, суд первой инстанции исходил из того, что спорная квартира № 1 была приобретена Г. на денежные средства, полученные от продажи имущества до брака, в связи с чем она не относилась к общему имуществу супругов и оснований для удовлетворения исковых требований не имелось.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя исковые требования Ч., суд апелляционной инстанции указал на то, что факт внесения Г. в счет оплаты по договору участия в долевом строительстве денежных средств от продажи личного имущества сам по себе не имел правового значения для разрешения спора в отсутствие доказательств наличия соглашения сторон о приобретении ответчиком спорного имущества в личную собственность. Поскольку Г. не было представлено доказательств изменения законного режима собственности супругов и отсутствовало согласие Ч. на изменение правового режима спорного имущества, с учетом презумпции режима общей совместной собственности супругов суд апелляционной инстанции пришел к выводу об определении долей бывших супругов в праве требования передачи в собственность спорной квартиры — по 1/2 доли каждому.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 12 июля 2016 г. с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась, указав следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 34 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ) имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью.

К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на

имя кого или кем из супругов внесены денежные средства (п. 2 ст. 34 СК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 36 СК РФ имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам (имущество каждого из супругов), является его собственностью.

Согласно разъяснениям, содержащимся в абз. 4 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 “О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака” (в ред. от 6 февраля 2007 г.), не является общим совместным имуществом, приобретенным хотя и во время брака, но на личные средства одного из супругов, принадлежавшие ему до вступления в брак, полученное в дар или в порядке наследования, а также вещи индивидуального пользования, за исключением драгоценностей и других предметов роскоши.

Из приведенных выше положений следует, что юридически значимым обстоятельством при решении вопроса об отнесении имущества к общей собственности супругов является то, на какие средства (личные или общие) и по каким сделкам (возмездным или безвозмездным) приобреталось имущество одним из супругов во время брака. Имущество, приобретенное одним из супругов в браке по безвозмездным гражданско-правовым сделкам (например, в порядке наследования, дарения, приватизации), не является общим имуществом супругов. Приобретение имущества в период брака, но на средства, принадлежавшие одному из супругов лично, также исключает такое имущество из режима общей совместной собственности.

При рассмотрении дела судом апелляционной инстанции такое юридически значимое обстоятельство, как использование для приобретения спорной квартиры средств, принадлежавших лично Г., ошибочно было оставлено без внимания.

Полученные от продажи квартиры № 2 денежные средства являлись личной собственностью ответчика, поскольку совместно в период брака с истцом эти средства не наживались и общим доходом супругов не являлись.

Срок между получением денежных средств от продажи имущества до брака и оплатой по договору долевого участия в строительстве составил 5 дней.

В соответствии со ст. 34 СК РФ приобретенная на указанные денежные средства спорная квартира № 1 не могла быть признана общим совместным имуществом бывших супругов Ч. и Г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и оставила в силе решение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении исковых требований Ч. о разделе общего имущества.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. Особый правовой статус арбитражного управляющего не лишает его права на привлечение за свой счет представителей при рассмотрении в рамках обособленных споров жалоб на действия управляющего, а также права на возмещение понесенных в связи с этим разумных судебных расходов

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 10 ноября 2017 г. № 305-ЭС16-10826(3)*

(Извлечение)

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества вступившим в законную силу определением суда первой инстанции отказано в удовлетворении жалобы компании на действия конкурсного управляющего.

Конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о взыскании с компании возмещения судебных расходов на оплату услуг представителя.

Определением суда первой инстанции заявление удовлетворено частично.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из того, что конкурсный управляющий в силу особого правового статуса обладает необходимыми для защиты от притязаний кредиторов подготовкой и квалификацией.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 10 ноября 2017 г. отменила постановление суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и направила вопрос о распределении судебных расходов на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 32 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве) дела о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц и граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, рассматриваются арбитражным судом по правилам, предусмотренным Арбитражным процессуальным кодексом РФ, с особенностями, установленными Законом о банкротстве.

В соответствии с ч. 1 ст. 110 АПК РФ судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны.

В п. 15 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 “О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве” разъяснено, что при рассмотрении жалоб в рамках обособленных споров непосредственными участниками таких споров (помимо основных участников дела о банкротстве) являются лицо,

подавшее жалобу, а также лицо, права которого могут быть затронуты в результате ее удовлетворения.

Как разъяснено в абз. 3 п. 18 постановления Пленума, судебные расходы лиц, в пользу которых был принят судебный акт по обособленному спору, подлежат возмещению лицами, не в пользу которых принят данный судебный акт.

Поскольку жалоба компании, предъявленная к конкурсному управляющему, не была удовлетворена, в силу приведенных положений законодательства и разъяснений высшей судебной инстанции судебные расходы подлежали отнесению в разумных пределах на компанию.

Согласно ч. 1 ст. 59 АПК РФ граждане вправе вести свои дела в арбитражном суде лично или через представителей. Наличие у арбитражного управляющего особого правового статуса не лишает его права на привлечение за свой счет представителей при рассмотрении в рамках обособленных споров жалоб на действия управляющего, а также права на возмещение понесенных в связи с этим разумных судебных расходов по правилам главы 9 АПК РФ.

2. Требование истца о понуждении заключить договор, обязательный для ответчика, фактически перешедшее в спор об условиях этого договора, должно быть рассмотрено и разрешено судом путем урегулирования разногласий по спорным условиям вне зависимости от содержания предложенных истцом условий договора

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 13 апреля 2017 г. № 305-ЭС16-16501*

(Извлечение)

Компания осуществляет управление многоквартирными домами. Теплоснабжение указанных жилых домов обеспечивается за счет источников тепловой энергии и тепловых сетей общества.

Компания направила в адрес общества заявку на заключение договора теплоснабжения с приложением документов.

Общество в ответ на обращение компании сообщило о приостановлении рассмотрения заявки на заключение договора теплоснабжения, ссылаясь на заключение договоров непосредственно с собственниками помещений и на п. 9 Правил, обязательных при заключении управляющей организацией или товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом договоров с ресурсоснабжающими организациями, утвержденных постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2012 г. № 124 (далее — Правила № 124).

Компания неоднократно обращалась к обществу с предложением сверить идентичность копий и оригиналов документов и просила возобновить рассмотрение заявки. Расценив действия общества по приостановлению рассмотрения за-

явки как отказ от заключения договора, компания обратилась в арбитражный суд с иском к обществу об обязании заключить договор теплоснабжения на условиях предоставленного суду договора теплоснабжения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении исковых требований отказано. Суды исходили из того, что проект договора разработан и составлен без учета требований действующего законодательства, подлежащего применению к правоотношениям теплоснабжения. При этом суд первой инстанции сослался на несоответствие условий проекта положениям подп. “е” п. 17, подп. “д” п. 18, подп. “в” п. 21, пп. 25—26 Правил № 124, а также пп. 35 и 39 Правил организации теплоснабжения в Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 8 августа 2012 г. № 808.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 13 апреля 2017 г. отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Договор теплоснабжения, о понуждении заключения которого просил истец, согласно положениям ст. 426 ГК РФ признается публичным договором. Обязанность по заключению договора теплоснабжения в интересах лиц, пользующихся помещениями в многоквартирном жилом доме, возложена на теплоснабжающую организацию и потребителя — исполнителя коммунальных услуг (в данном случае компанию), что следует из ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ “О теплоснабжении” и ч. 12 ст. 161 ЖК РФ.

По смыслу ст. 446 ГК РФ в случаях передачи разногласий, возникших при заключении публичного договора, на рассмотрение суда на основании ст. 445 названного Кодекса условия договора, по которым у сторон имелись разногласия, определяются в соответствии с решением суда.

В рассматриваемом случае спор, по которому изначально было заявлено требование о понуждении заключить договор, обязательный для одной из сторон, по сути, трансформировался в спор об условиях этого договора.

Из положений ст.ст. 445 и 446 ГК РФ следует, что такое требование должно быть рассмотрено и разрешено судом путем урегулирования разногласий по спорным условиям.

При рассмотрении преддоговорных споров обязанностью суда является обеспечение защиты прав лица, обратившегося с требованием о понуждении к заключению договора. Разрешение судом спора о понуждении к заключению договора и при уклонении от заключения договора, и при возникновении разногласий по конкретным его условиям сводится, по существу, к внесению определенности в правоотношения сторон и установлению судом условий, не урегулированных сторонами в досудебном порядке. Установление

судом или изменение при рассмотрении спора о понуждении к заключению договора фактических обстоятельств, влияющих на формулировку искового требования, не меняет его предмета как спора, направленного на возникновение договорных отношений, и не должно приводить к отказу в иске.

В силу ст.ст. 421 и 422 ГК РФ суд не может отказать истцу в иске и в том случае, когда предложенные им редакции условий договора не соответствуют требованиям действующего законодательства. В этом случае при урегулировании спорного условия суд исходит из императивной либо диспозитивной нормы законодательства, регулирующего правоотношения сторон.

В данном случае суд первой инстанции, сделав правильный вывод об отсутствии у ответчика оснований для приостановления рассмотрения заявки истца на заключение договора, не разрешил разногласия, возникшие у сторон по условиям договора.

Суды апелляционной инстанции и округа не устранили неопределенности в правоотношениях сторон по заключению договора.

Таким образом, возникший между сторонами спор остался фактически неразрешенным.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Абзац 2 п. 13 Порядка создания и работы комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости, утвержденного приказом Минэкономразвития России от 4 мая 2012 г. № 263, признан недействующим с 22 июля 2014 г.

*Решение Верховного Суда РФ
от 3 марта 2017 г. № АКПИ16-1364,
вступившее в законную силу*

(Извлечение)

Приказом Минэкономразвития России от 4 мая 2012 г. № 263 (далее — Приказ) утвержден Порядок создания и работы комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости (далее — Порядок).

Пунктом 13 Порядка предусмотрен перечень документов, которые должен представить заявитель в комиссию по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости (далее — Комиссия) совместно с заявлением о пересмотре кадастровой стоимости объекта недвижимости различных категорий земель и иных объектов недвижимости на территории субъекта Российской Федерации, в котором она создана, и (или) территории муниципального образования, находящегося на территории этого субъекта Российской Федерации, в числе которых в абз. 2 данного пункта указан кадастровый паспорт объекта недвижимости.

Общество с ограниченной ответственностью “Фиран-Агро” (далее — Общество) оспорило в Верховном Суде РФ предписание абз. 2 п. 13 По-

рядка как противоречащее ст. 24¹⁸ Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ “Об оценочной деятельности в Российской Федерации” и нарушающее право на пересмотр кадастровой стоимости арендованного им объекта недвижимости.

Верховный Суд РФ 3 марта 2017 г. административное исковое заявление удовлетворил, указав следующее.

В соответствии с ч. 6 ст. 24¹⁸ Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ требования к входящим в состав комиссии представителям предпринимательского сообщества, саморегулируемых организаций оценщиков, порядок создания и работы комиссии, включая порядок представления кандидатур для включения в состав комиссии, в том числе в целях ротации (далее — порядок создания и работы комиссии), формы принимаемых комиссией документов устанавливаются уполномоченным федеральным органом, осуществляющим функции по нормативно-правовому регулированию в области оценочной деятельности.

Согласно п. 1 Положения о Министерстве экономического развития Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 437, Минэкономразвития России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере оценочной деятельности.

Приказ в установленном порядке зарегистрирован в Минюсте России и опубликован.

Учитывая изложенное, Приказ издан уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в пределах компетенции, представленной законодательством Российской Федерации.

На дату издания Приказа ст. 24¹⁹ Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ было предусмотрено, что к заявлению о пересмотре кадастровой стоимости прилагается в том числе кадастровый паспорт объекта недвижимости.

Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 225-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “Об оценочной деятельности в Российской Федерации” глава III¹ Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ была изложена в новой редакции, вместо кадастрового паспорта объекта недвижимости в ст. 24¹⁸ Федерального закона в качестве приложения к заявлению о пересмотре кадастровой стоимости предусмотрена кадастровая справка о кадастровой стоимости объекта недвижимости, содержащая сведения об оспариваемых результатах определения кадастровой стоимости (далее — кадастровая справка) (п. 29 ст. 1).

Исходя из изложенного, с даты введения в действие указанного Федерального закона — 22 июля 2014 г. оспариваемая норма Порядка вошла в противоречие с нормативным правовым актом большей юридической силы.

Более того, подп. “в” п. 1 ст. 6 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 361-ФЗ “О внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации”, вступившим в силу с 1 января 2017 г., в ст. 24¹⁸ Федерального закона были внесены изменения, которые предусматривают, что к заявлению о пересмотре кадастровой стоимости вместо кадастровой справки прилагается выписка из Единого государственного реестра недвижимости о кадастровой стоимости объекта недвижимости, содержащая сведения об оспариваемых результатах определения кадастровой стоимости.

До настоящего времени в Порядок не внесены соответствующие изменения, направленные на реализацию нормативных предписаний актов большей юридической силы.

Также необходимо отметить, что п. 3 ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ “О государственном кадастре недвижимости” в редакции, действовавшей до 1 января 2017 г., было предусмотрено предоставление сведений, внесенных в государственный кадастр недвижимости, в виде кадастрового паспорта объекта недвижимости.

Пунктом 7 ст. 22 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 361-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации”, вступившим в силу с 1 января 2017 г., ст. 14 Федерального закона “О государственном кадастре недвижимости” признана утратившей силу.

Исходя из приведенных законоположений, Верховный Суд РФ административное исковое заявление удовлетворил, признал недействующим с 22 июля 2014 г. абз. 2 п. 13 Порядка создания и работы комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости, утвержденного приказом Минэкономразвития России от 4 мая 2012 г. № 263.

2. Пункт 2 Правил исчисления стажа службы (выслуги лет) для выплаты ежемесячной надбавки к окладу месячного денежного содержания за стаж службы (выслугу лет) сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2011 г. № 1158, в той части, в которой оспариваемые положения не предусматривают льготного исчисления периода службы в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях и других местностях с неблагоприятными климатическими и экологическими условиями, в том числе отдаленных, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 5 апреля 2017 г. № АКПИ17-53,
вступившее в законную силу*

3. Пункты 155, 158, 25 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденных приказом Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189, п. 3 приложения № 1, абз. 54 приложения № 2 к данным Правилам признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 20 февраля 2017 г. № АКПИ16-1358,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 11 июля 2017 г. № АПЛ17-191*

4. Пункт 45 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним, утвержденного приказом МВД России от 7 августа 2013 г. № 605, в части, обязывающей водителя транспортного средства иметь при себе и по требованию сотрудников полиции передавать регистрационные документы (паспорт транспортного средства и свидетельство о соответствии транспортного средства) для проверки, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 3 апреля 2017 г. № АКПИ17-108,
вступившее в законную силу*

5. Пункт 2 списка должностей и учреждений, работа в которых засчитывается в стаж работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществлявшим педагогическую деятельность в учреждениях для детей, в соответствии с подп. 19 п. 1 ст. 27 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”, утвержденного постановлением Правительства РФ от 29 октября 2002 г. № 781, в части включения в этот пункт должности тренера-преподавателя специализированной детско-юношеской спортивной школы олимпийского резерва признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 12 апреля 2017 г. № АКПИ17-40,
вступившее в законную силу*

6. Пункт 17 стандарта раскрытия информации организациями, осуществляющими деятельность в сфере управления многоквартирными домами, утвержденного постановлением Правительства РФ от 23 сентября 2010 г. № 731, как не препятствующий собственнику жилого помещения в многоквартирном доме на основании письменного запроса получить полную информацию в случае ее раскрытия в необходимом объеме на официальном сайте в сети Интернет и (или) в официальных печатных изданиях признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 12 апреля 2017 г. № АКПИ17-80,
вступившее в законную силу*

7. Пункт 6 приложения № 2 к Правилам взимания платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн, утвержденным постановлением Правительства РФ от 14 июня 2013 г. № 504, п. 15 изменений, которые вносятся в данные Правила постановлением Правительства РФ от 14 ноября 2016 г. № 1182, в части, предусматривающей, что содержание договора безвозмездного пользования бортовым устройством определяется оператором, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 5 апреля 2017 г. № АКПИ17-61,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 20 июля 2017 г. № АПЛ17-192*

8. Пункт 11 Правил перевозок пассажиров, багажа, грузобагажа железнодорожным транспортом, утвержденных приказом Минтранса России от 19 декабря 2013 г. № 473, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 10 апреля 2017 г. № АКПИ17-91,
вступившее в законную силу*

9. Пункт 3 приказа МВД России от 7 ноября 2011 г. № 1121 “Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования” в части, которой признаны утратившими силу положения Инструкции о порядке предоставления гражданам справок о наличии (отсутствии) у них судимости, утвержденной приказом МВД России от 1 ноября 2001 г. № 965, с изменениями, внесенными приказом МВД России от 17 ноября 2005 г. № 939, обязывающими Главный информационно-аналитический центр МВД России и МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации при установлении в отношении заявителя сведений об осуждении за совершение преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, анализировать информацию с учетом положений ст.ст. 84, 85, 86 и 95 УК РФ на предмет погашения или снятия судимости и содержащими образцы справки об отсутствии судимости и справки о наличии судимости, и приложение № 6 к данному регламенту в части, не предусматривающей в справке о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования сведений о погашении судимости, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 4 июля 2017 г. № АКПИ17-287,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 23 ноября 2017 г. № АПЛ17-412*

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Несоблюдение требований ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ лицом, осуществляющим производство процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, повлекло исключение из числа доказательств заявлений о явке с повинной

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 22 июня 2017 г. № 127-АПУ17-6*

(Извлечение)

По приговору Верховного Суда Республики Крым от 6 апреля 2017 г. Г. и М. осуждены по пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 и другим статьям Уголовного кодекса РФ.

В апелляционных жалобах адвокаты в защиту интересов осужденных просили отменить приговор, дело передать на новое судебное рассмотрение, утверждая, что приговор основан на доказательствах, полученных с нарушением требований Уголовно-процессуального кодекса РФ, явки с повинной подзащитных являются недопустимыми доказательствами, поскольку при их оформлении права Г. и М. на защиту не были соблюдены.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 22 июня 2017 г. изменила приговор, исключив из числа доказательств по уголовному делу явки с повинной Г. и М., по следующим основаниям.

Г. и М. осуждены в том числе за убийство, сопряженное с разбоем, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

В качестве доказательства виновности Г. и М. суд первой инстанции сослался на их явки с повинной.

Согласно требованиям ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом РФ, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе разъясняются права не свидетельствовать против самого себя, пользоваться услугами адвоката.

Указанные выше требования уголовно-процессуального закона при оформлении заявлений о явке с повинной не соблюдены, поскольку права Г. и М. не были разъяснены, явки с повинной даны осужденными в отсутствие защитников.

В судебном заседании содержание явок с повинной осужденными не подтверждено.

Между тем в соответствии с ч. 1² ст. 144 УПК РФ полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст.ст. 75 и 89 УПК РФ.

Несмотря на исключение из числа доказательств явок с повинной Г. и М., оснований для отмены судебных решений не имеется, поскольку в приговоре судом приведены другие достаточные доказательства, подтверждающие совершение осужденными убийства, сопряженного с разбоем, группой лиц по предварительному сговору и других преступлений.

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Аннулирование регистрационного номера участника накопительно-ипотечной системы в случае ошибочного открытия именного накопительного счета возможно только до предоставления участнику накопительно-ипотечной системы средств накоплений, учтенных на этом счете, т.е. до исполнения государством своих обязательств по жилищному обеспечению военнослужащего

*Определение Судебной коллегии
по делам военнослужащих Верховного Суда РФ
от 15 июня 2017 г. № 206-КГ17-4*

(Извлечение)

Решением Красноярского гарнизонного военного суда от 29 декабря 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Западно-Сибирского окружного военного суда от 12 апреля 2016 г., С. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил признать незаконными действия должностных лиц Управления расквартирования и строительства тыла Главного командования внутренних войск МВД России (далее — Управление расквартирования и строительства), связанные с исключением его из реестра участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих (далее — накопительно-ипотечная система), и Федерального государственного казенного учреждения “Федеральное управление накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих” (далее — ФГКУ “Росвоенипотека”), связанные с прекращением перечислений ежемесячных платежей в счет исполнения обязательств по договору целевого жилищного займа.

В кассационной жалобе С. просил об отмене судебных актов и о принятии по делу нового решения об удовлетворении его требований.

В обоснование жалобы он указал на оставление судами без внимания того обстоятельства, что ошибки, допущенные должностными лицами Управления расквартирования и строительства при включении его в реестр участников накопительно-ипотечной системы, повлекшие перечисление средств целевого жилищного займа на приобретение им квартиры, не должны ограничивать и нарушать его права на жилье, поскольку приобретенное указанным способом жилое помещение зарегистрировано на

его имя, в связи с чем он лишен права на обеспечение жильем другим способом.

Определением заместителя Председателя Верховного Суда РФ — председателя Судебной коллегии по делам военнослужащих кассационная жалоба с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по делам военнослужащих.

Рассмотрев материалы административного дела, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 15 июня 2017 г. пришла к выводу, что судами при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального и процессуального права.

Из дела следует, что С. в августе 1999 г. поступил в военный институт внутренних войск МВД России, в период обучения в сентябре 2000 г. заключил контракт о прохождении военной службы и в августе 2004 г. был назначен на воинскую должность после окончания военного учебного заведения и получения в связи с этим офицерского воинского звания.

В декабре 2005 г. истец включен на основании рапорта в реестр участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, в связи с чем в июле 2012 г. в воинскую часть, в которой он проходит военную службу, из ФГКУ “Росвоенипотека” поступило свидетельство о его праве на получение целевого жилищного займа.

18 октября 2012 г. С. заключил договор с ФГКУ “Росвоенипотека” о предоставлении целевого жилищного займа за счет накоплений для жилищного обеспечения, а также кредитный договор с ЗАО “Банк Жилищного Финансирования” о предоставлении кредита, согласно которому возврат кредита и уплаты процентов за пользование кредитом осуществляется за счет средств целевого жилищного займа, предоставленного заемщику в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ “О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих” (далее — Закон о накопительно-ипотечной системе).

После получения целевого жилищного займа и кредита С. приобрел в ноябре 2012 г. по договору купли-продажи жилое помещение по месту военной службы.

В марте 2015 г. заместитель руководителя ФГКУ “Росвоенипотека”, сославшись на поступившие из Управления расквартирования и строительства сведения об ошибочном включении истца в реестр участников накопительно-ипотечной системы, уведомил его о прекращении с 1 марта 2015 г. ежемесячных платежей в счет исполнения обязательств по ипотечному кредиту и предложил ему вернуть 1 568 541 руб., из которых 1 038 261 руб. составил первоначальный взнос, а 530 280 руб. — средства, перечисленные банку в счет погашения обязательств по ипотечному кредиту.

Отказывая в удовлетворении заявления С., суд первой инстанции исходил из того, что истец был незаконно включен в реестр участников накопительно-ипотечной системы, в связи

с чем действия должностных лиц Управления расквартирования и строительства и ФГКУ «Росвоенипотека» по прекращению ежемесячных платежей в счет исполнения обязательств по ипотечному кредиту являются правомерными.

Соглашаясь с выводами гарнизонного военного суда, суд апелляционной инстанции дополнительно указал, что законодательство не предусматривает возможность предоставления военнослужащим, ошибочно включенным в реестр участников накопительно-ипотечной системы, продолжать числиться в этом реестре и пользоваться денежными средствами, в том числе в случае заключения военнослужащим договоров о приобретении жилого помещения.

Такие выводы судов основаны на неправильном толковании закона.

Суды обеих инстанций пришли к верному выводу о том, что С., окончивший военно-учебное заведение в августе 2004 г., был ошибочно включен в реестр участников накопительно-ипотечной системы, поскольку в силу чч. 1 и 2 ст. 9 Закона о накопительно-ипотечной системе обязательным условием признания за военнослужащим права на включение в реестр участников накопительно-ипотечной системы является окончание им военно-учебного заведения и присвоение в связи с этим первого воинского звания после 1 января 2015 г.

При этом суды оставили без внимания иные имеющие значение для дела обстоятельства.

В судебном заседании установлено, что после включения в реестр участников накопительно-ипотечной системы, предоставления в связи с этим от ФГКУ «Росвоенипотека» целевого жилищного займа и получения кредита в ЗАО «Банк Жилищного Финансирования» истец приобрел по договору купли-продажи жилое помещение.

Это обстоятельство, вопреки выводу судов, является юридически значимым.

В соответствии с ч. 3 ст. 11 Закона о накопительно-ипотечной системе направление кредиту участника накопительно-ипотечной системы средств целевого жилищного займа в целях уплаты первоначального взноса при приобретении с использованием ипотечного кредита (займа) жилого помещения и погашения обязательств по ипотечному кредиту (займу) является исполнением государством своих обязательств по жилищному обеспечению военнослужащего.

Согласно пп. 7, 8 Правил ведения именных накопительных счетов участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, утвержденных постановлением Правительства РФ от 7 ноября 2005 г. № 655, основанием для закрытия уполномоченным федеральным органом именного накопительного счета является исключение военнослужащего из реестра участников накопительно-ипотечной системы, а в случае ошибочного открытия указанного счета уполномоченный федеральный орган аннулирует регистрационный номер участни-

ка накопительно-ипотечной системы, при этом средства накоплений для жилищного обеспечения, учтенные на счете, возвращаются в федеральный бюджет.

В ч. 3 ст. 9 Закона о накопительно-ипотечной системе предусмотрены следующие основания для исключения военнослужащего из реестра участников накопительно-ипотечной системы: увольнение его с военной службы; исключение его из списков личного состава воинской части в связи с его гибелью или смертью, признанием его в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявлением его умершим; исполнение государством своих обязательств по обеспечению военнослужащего в период прохождения военной службы жилым помещением (за исключением жилого помещения специализированного жилищного фонда) иным предусмотренным нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации способом за счет средств федерального бюджета.

Содержание названных правовых норм в их взаимосвязи указывает на то, что военнослужащий может быть исключен из реестра участников накопительно-ипотечной системы только при наличии оснований, указанных в законе.

Между тем таких оснований по делу не установлено, в связи с чем отсутствуют основания и для закрытия уполномоченным федеральным органом именного накопительного счета.

Что касается аннулирования регистрационного номера участника накопительно-ипотечной системы в случае ошибочного открытия именного накопительного счета, то в силу приведенных норм закона это возможно только до предоставления участнику накопительно-ипотечной системы средств накоплений, учтенных на этом счете, т.е. до исполнения государством своих обязательств по жилищному обеспечению военнослужащего.

В противном случае такой военнослужащий не может быть уверен в стабильности своего официально признанного статуса участника накопительно-ипотечной системы и в том, что приобретенные в силу этого статуса права будут уважаться государством и будут реализованы.

Данный вывод согласуется с правовой позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 14 января 2016 г. № 1-П, о необходимости соблюдения вытекающих из взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 1, ст. 2, ч. 1 ст. 17, ст. 18, ч. 1 ст. 19, чч. 2, 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации принципов поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, которые гарантируют гражданам, что решения принимаются уполномоченными государственными органами на основе строгого исполнения законодательных предписаний, а также внимательного и ответственного подхода к оценке фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение прав, тщательности при оформлении соответствующих документов, подтверждающих наличие условий, необходимых для

реализации этих прав, с тем чтобы гражданин как участник соответствующих правоотношений мог быть уверен в стабильности своего официально признанного статуса и в том, что приобретенные в силу этого статуса права будут уважаться государством и будут реализованы.

Таким образом, действия должностных лиц Управления расквартирования и строительства и ФГКУ “Росвоенипотека”, связанные с прекращением исполнения взятых на себя обязательств по жилищному обеспечению истца после фактического включения его в реестр участников нако-

пительно-ипотечной системы и предоставления целевого жилищного займа, на законе не основаны.

Придя к ошибочному выводу о правомерности таких действий, суд необоснованно оставил без выяснения полномочия и вопросы разграничения компетенции между административными ответчиками по реализации прав истца как участника накопительно-ипотечной системы, в связи с чем обжалуемые судебные акты были отменены, а дело направлено на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДОВ РЕСПУБЛИК, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

1. Уголовное дело подлежит рассмотрению судом с участием присяжных заседателей, если до вступления в силу закона, которым рассмотрение данного уголовного дела не отнесено более к подсудности суда с участием присяжных заседателей, по результатам предварительного слушания судом уже принято решение о назначении судебного заседания с участием присяжных заседателей

*Постановление президиума
Пензенского областного суда
от 20 апреля 2017 г.*

(Извлечение)

По приговору Железнодорожного районного суда г. Пензы от 27 января 2014 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) Р. осужден по чч. 4, 5 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ к восьми годам лишения свободы.

Р. признан виновным в подстрекательстве и пособничестве в приготовлении к убийству потерпевшего по найму.

В кассационной жалобе Р. просил судебные решения отменить, ссылаясь на то, что было нарушено его право на рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

По постановлению заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 7 марта 2017 г. кассационная жалоба Р. вместе с уголовным делом переданы для рассмотрения в судебном заседании президиума Пензенского областного суда.

Президиум Пензенского областного суда 20 апреля 2017 г. отменил состоявшиеся судебные решения в отношении Р. и передал уголовное дело на новое судебное рассмотрение¹ в Пензенский областной суд по следующим основаниям.

Определяя действие уголовно-процессуального закона во времени, ст. 4 УПК РФ устанавливает, что при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное не установлено Кодексом.

Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 217-ФЗ “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации” по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства”, вступивший в законную силу с 1 августа 2013 г. и изменивший предметную подсудность уголовных дел, в частности, о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ, за совершение которых в соответствии с положениями Уголовного кодекса РФ в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы и смертная казнь, передав их на рассмотрение районного суда, во взаимосвязи с положениями Уголовно-процессуального кодекса РФ, определяющими порядок заявления в ходе расследования и разрешения на предварительном слушании ходатайства о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей, исключил возможность ходатайствовать о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей для обвиняемых в преступлениях, предусмотренных в том числе ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Между тем, как усматривается из правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 19 апреля 2010 г. № 8-П, субъективное право обвиняемого на рассмотрение его дела определенным составом суда, к подсудности которого оно отнесено законом, основанное на предписании ст. 47 Конституции Рос-

¹ По приговору Пензенского областного суда от 12 июля 2017 г., постановленному с участием присяжных заседателей и оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Р. осужден по чч. 4, 5 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ к шести годам четырем месяцам лишения свободы.

сийской Федерации, возникает с момента принятия судом решения о назначении уголовного дела к слушанию, вынося которое суд руководствуется процессуальным законом (в том числе о подсудности дела), действующим во время принятия данного решения.

Постановление судьи о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей, принятое на предварительном слушании, является окончательным.

По смыслу ст. 47 Конституции Российской Федерации новые правила подсудности уголовных дел, введенные Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 217-ФЗ, подлежат применению во взаимосвязи с требованием о неизменности состава суда, согласно которому уголовное дело рассматривается одним и тем же судьей или одним и тем же составом суда (ст. 242 УПК РФ).

Следовательно, если до вступления указанного Федерального закона в силу по результатам предварительного слушания судом уже принято решение о назначении судебного заседания с участием присяжных заседателей, то дело подлежит рассмотрению именно судом с участием присяжных заседателей.

Вместе с тем по настоящему делу указанные требования закона судом не учтены.

Уголовное дело по обвинению Р. в совершении преступления, предусмотренного чч. 4, 5 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, 28 июня 2013 г. было направлено по подсудности в Пензенский областной суд для рассмотрения по существу в соответствии с действовавшими на тот момент положениями уголовно-процессуального закона.

По постановлению судьи Пензенского областного суда от 2 июля 2013 г. по настоящему уголовному делу назначено предварительное слушание для решения в том числе вопроса о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей ввиду наличия соответствующего ходатайства Р., заявленного по окончании ознакомления с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ.

По итогам предварительного слушания, в ходе которого было удовлетворено ходатайство Р. о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей, поддержанное им и на предварительном слушании, судья Пензенского областного суда 9 июля 2013 г. вынес постановление о назначении судебного заседания на 6 августа 2013 г. в составе судьи и присяжных заседателей.

В связи с изменениями, внесенными в ст. 31 УПК РФ Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 217-ФЗ, 6 августа 2013 г. судья Пензенского областного суда вынес постановление о направлении уголовного дела в отношении Р. по подсудности в Железнодорожный районный суд г. Пензы, что противоречит приведенным требованиям закона и правовой позиции Конституционного Суда РФ.

Допущенные существенные нарушения уголовно-процессуального закона повлияли на исход дела и явились основаниями для отмены судебных решений при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке.

2. Денежные средства, израсходованные органами предварительного расследования при собирании доказательств преступной деятельности лица с целью привлечения к уголовной ответственности, необоснованно взысканы судом как имущественный вред, причиненный государству преступлением

*Постановление президиума
Смоленского областного суда
от 10 мая 2017 г.*

(Извлечение)

По приговору Ярцевского городского суда Смоленской области от 15 сентября 2015 г. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции в части квалификации действий осужденного) с З., осужденного по ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 4 ст. 228¹ и ч. 2 ст. 228 УК РФ, постановлено взыскать в доход Российской Федерации 3500 руб., полученные им от незаконной продажи психотропного вещества.

С учетом изменений З. признан виновным в покушении на незаконный сбыт психотропного вещества в крупном размере и в незаконном хранении наркотического вещества без цели сбыта в крупном размере.

В кассационной жалобе адвокат в интересах осужденного просил об отмене судебных решений, ссылаясь на то, что взыскание с З. расходов, понесенных сотрудниками правоохранительных органов при собирании доказательств его преступной деятельности, в доход Российской Федерации необоснованно, поскольку не предусмотрено уголовно-процессуальным законом.

По постановлению заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 11 апреля 2017 г. кассационная жалоба адвоката в защиту осужденного передана для рассмотрения в судебном заседании президиума Смоленского областного суда.

Президиум Смоленского областного суда 10 мая 2017 г. отменил состоявшиеся судебные решения в отношении З. в части разрешения гражданского иска о взыскании с него в доход Российской Федерации 3500 руб., мотивировав свое решение следующим.

В соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 299 УПК РФ судом при постановлении приговора разрешается вопрос о том, подлежит ли удовлетворению гражданский иск, заявленный в ходе расследования уголовного дела.

По смыслу ст. 44 УПК РФ гражданский иск, заявляемый по уголовному делу, — это требования лица, которому причинен преступлением имущественный вред, к подсудному или лицам, несущим материальную ответственность за его действия, о возмещении причиненного преступными действиями ущерба, в том числе для имущественной компенсации морального вреда. В защиту интересов государства гражданский иск может быть предъявлен прокурором.

Указанные требования закона не были учтены судом.

Как установлено судом, при проведении в отношении З. оперативно-розыскного мероприятия “проверочная закупка” он сбыв психотропное вещество лицу, добровольно участвовавшему в проведении оперативно-розыскного мероприятия в качестве закупщика, за вознаграждение в размере

3500 руб. Согласно акту сотрудником правоохранительных органов с денежных купюр были произведены светокпии, затем они переданы закупщику.

Таким образом, денежные средства, полученные З. от незаконной продажи психотропного вещества, использовались сотрудниками правоохранительных органов для выявления и изобличения З. в совершении преступления, фактического собирания доказательств его преступной деятельности с целью привлечения к уголовной ответственности.

В ходе предварительного следствия по делу прокурор обратился с исковым заявлением, в котором просил применить к сделке купли-продажи психотропного вещества последствия недействительности ничтожной сделки, предусмотренные ст. 169 ГК

РФ, и взыскать в доход Российской Федерации 3500 руб., полученные З. в результате сделки.

Между тем в исковом заявлении прокурора отсутствуют данные о том, что преступлением, совершенным З., причинен государству имущественный вред. Фактически исковое заявление прокурора направлено на признание сделки купли-продажи психотропного вещества ничтожной, что не может быть предметом рассмотрения в уголовном судопроизводстве.

Суд, разрешая при постановлении приговора вопрос о том, подлежит ли удовлетворению предъявленный прокурором гражданский иск, не принял во внимание указанные обстоятельства и требования закона.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 2 (2017)¹

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

39. Оставление судом без внимания положений закона, согласно которому присвоение первого воинского звания по окончании обучения является неотъемлемой частью единого процесса обучения военнослужащего в образовательном учреждении, повлекло отмену судебного акта.

Решением Фокинского гарнизонного военного суда от 16 февраля 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 26 апреля 2016 г., удовлетворено административное исковое заявление Е. в той части, в которой он просил возложить на начальника Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю (далее — Пограничное управление) обязанность по представлению административного истца к присвоению воинского звания “лейтенант”, а также направлению необходимых документов для его назначения в Пограничном управлении на соответствующую его военно-учетной специальности воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание офицера.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ пришла к выводу, что судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, что выразилось в следующем.

По делу установлено, что Е., проходивший обучение в Хабаровском Пограничном институте ФСБ России и заключивший контракт о прохождении военной службы на период его обучения и последующие 5 лет после окончания, отчислен за неуспеваемость с освобождением его от воинской должности курсанта, после чего он был переведен к новому месту военной службы в Пограничное управление, где заключил новый контракт о прохождении военной службы и назначен на воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание “старший сержант”.

В мае 2014 г. Е. был командирован для сдачи итоговых экзаменов и приказом начальника Пограничного института допущен к пересдаче государственного междисциплинарного экзамена. По результатам итоговой аттестации ему выдан диплом специалиста — выпускника Пограничного института.

В ноябре 2015 г. начальником Пограничного управления со ссылкой на разъяснения начальника Пограничного института в удовлетворении рапорта Е. о его представлении к присвоению первого воинского звания офицера “лейтенант” отказано.

Удовлетворяя частично административное исковое заявление и признавая данный отказ должностного лица незаконным, гарнизонный военный суд, с выводами которого согласился флотский военный суд, исходил из того, что Е., не имевший воинского звания офицера, продолжив службу в органах ФСБ России и успешно окончив высшее военно-учебное заведение с получением соответствующего диплома, приобрел право на присвоение воинского звания “лейтенант” и замещение вакантной офицерской должности в Пограничном управлении, соответствующей его военно-учетной специальности.

Эти выводы судов основаны на неправильном толковании и применении норм материального права.

В подп. “а” п. 2 ст. 21 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, определено, что воинское звание лейтенанта присваивается военнослужащему, не имеющему воинского звания офицера, либо военнослужащему, имеющему воинское звание младшего лейтенанта, независимо от срока военной службы в этом воинском звании, окончившему высшее или среднее военно-учебное заведение, — по окончании указанного учебного заведения.

Согласно п. 17 главы 2 Инструкции об организации работы по подготовке, оформлению и представлению документов к присвоению воинских званий военнослужащим органов федеральной службы безопасности, утвержденной приказом ФСБ России от 26 января 2013 г. № 36/ДСП, представление к присвоению первого воинского звания курсанту (слушателю) и выпускнику образовательного учреждения ФСБ России подписывается начальником этого образовательного учреждения.

Анализ приведенных норм позволяет сделать вывод, что присвоение первого воинского звания по окончании обучения является неотъемлемой частью единого процесса обучения военнослужащего в образовательном учреждении.

¹Окончание. Начало в № 5, 2018.

Как усматривается из материалов дела, Е., будучи отчисленным из Пограничного института, впоследствии был допущен лишь к пересдаче одного из итоговых государственных экзаменов, однако в институте установленным порядком он не восстанавливался, курсантом данного образовательного учреждения не являлся, соответствующий контракт о прохождении военной службы утратил силу, а его аттестация на предмет присвоения первого звания офицера не проводилась.

Таким образом, истец требованиям законодательства, предъявляемым к кандидатам на присвоение по окончании учебной организации первого звания офицера, на момент его обращения с соответствующим рапортом не отвечал, а начальник Пограничного управления не являлся компетентным лицом в решении этого вопроса.

Кроме того, Е. в Пограничном управлении проходил военную службу на воинской должности, для которой штатом предусмотрено звание “старший сержант”.

Следовательно, у начальника этого управления исходя из содержания п. 2 ст. 21 Положения о порядке прохождения военной службы не имелось оснований ходатайствовать перед вышестоящим командованием о присвоении Е. первого офицерского звания, что допускается лишь при замещении военнослужащим, не имеющим офицерского воинского звания, воинской должности офицера.

С учетом изложенного выводы судов о возникшем у Е. праве на присвоение воинского звания “лейтенант” являются ошибочными.

На основании изложенного Судебная коллегия отменила решение Фокинского гарнизонного военного суда от 16 февраля 2016 г. и апелляционное определение Тихоокеанского флотского военного суда от 26 апреля 2016 г. по административному исковому заявлению Е. в части удовлетворения требований об оспаривании действий начальника Пограничного управления и приняла по делу в этой части новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления.

Определение № 211-КГ16-33

40. Неоднократные нарушения военнослужащим воинской дисциплины могут явиться основанием для его увольнения в связи с несоблюдением условий контракта о прохождении военной службы.

Решением Челябинского гарнизонного военного суда от 3 ноября 2015 г. отказано в удовлетворении административного искового заявления А., в котором она просила признать незаконными заключение аттестационной комиссии воинской части от 8 июня 2015 г. о целесообразности увольнения ее с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и приказ командира воинской части от 16 июня 2016 г. о ее увольнении по указанному основанию и исключении в связи с этим из списков части.

Апелляционным определением Уральского окружного военного суда от 17 марта 2016 г. решение суда первой инстанции отменено. По делу принято новое решение, которым требования А. удовлетворены.

Рассмотрев материалы административного дела по кассационной жалобе административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ апелляционное определение окружного военного суда отменила по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что А. проходила военную службу по контракту в пограничных ор-

ганах ФСБ России на воинской должности контролера контрольно-пропускного пункта отдела (пограничной комендатуры).

В период с декабря 2014 г. по апрель 2015 г. А. трижды привлекалась к дисциплинарной ответственности: 15 января 2015 г. ей объявлен выговор за наличие при несении службы в наряде сотового телефона; 3 февраля 2015 г. — выговор за отсутствие 31 декабря 2014 г. доклада о прибытии с лечения, грубое и некорректное обращение с начальником подразделения; 10 апреля 2015 г. — строгий выговор за наличие при несении службы в наряде сотового телефона.

Неоднократные нарушения воинской дисциплины, а также то, что принимаемые командованием в отношении административного истца меры дисциплинарного воздействия воспитательного эффекта не имели, послужило основанием для оценки ее служебной деятельности аттестационной комиссией, которая пришла к выводу, что А. перестала удовлетворять требованиям законодательства о воинской обязанности и военной службе, предъявляемым к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в связи с чем ходатайствовала об увольнении ее с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Приказом командира воинской части от 16 июня 2015 г. А. уволена с военной службы в связи с невыполнением ею условий контракта и исключена из списков личного состава воинской части.

Отказывая в удовлетворении требований А., суд первой инстанции исходил из того, что процедура увольнения административного истца с военной службы командованием соблюдена, а неоднократное ее привлечение в период прохождения военной службы к дисциплинарной ответственности свидетельствует о систематических нарушениях с ее стороны условий контракта.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя административное исковое заявление, окружной военный суд в том числе указал, что совершенные А. дисциплинарные проступки грубыми не являются, данных о совершении ею уголовного или административного проступков в материалах дела не имеется.

Такой вывод суда апелляционной инстанции основан на неправильном толковании закона.

В соответствии с ч. 3 ст. 32 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ “О воинской обязанности и военной службе” условия контракта о прохождении военной службы включают в себя обязанность военнослужащего добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Согласно подп. “в” п. 2 ст. 51 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе” военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.

Аналогичные положения закреплены в подп. “в” п. 4 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы.

Досрочное увольнение А. с военной службы было произведено вследствие невыполнения ею условий контракта, выразившегося в недобросовестном отношении к служебным обязанностям, в том числе в совершении ряда дисциплинарных проступков при наличии неснятых дисциплинар-

ных взысканий, а также подтвержденного неудовлетворительными оценками по предметам оперативно-боевой подготовки, отрицательной характеристикой по службе. Приведенные обстоятельства обоснованно послужили поводом для постановки вопроса о ее соответствии требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу по контракту.

Вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии негативных последствий проступков А. и об их незначительности для военной службы не может быть признан правомерным, поскольку решение этих вопросов относится к дискреционным полномочиям воинских должностных лиц.

Согласно ст. 81 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, определение вины и степени тяжести совершенного военнослужащим дисциплинарного проступка находится в компетенции должностных лиц, уполномоченных проводить разбирательство и привлекать виновного военнослужащего к дисциплинарной ответственности.

Решение по вопросу досрочного увольнения А. с военной службы было принято в пределах полномочий воинских должностных лиц и с соблюдением процедуры аттестации, как это установлено п. 1 ст. 26 вышеназванного Положения.

Оснований для сомнений в правильности действий административных ответчиков в процессе проведения аттестации А. не имеется.

Приведенные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что заключение аттестационной комиссии о несоответствии А. занимаемой должности и целесообразности в связи с этим ее досрочного увольнения с военной службы, а также приказ командира воинской части в части досрочного увольнения административного истца с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и исключения из списков части являются законными.

Допущенные нарушения повлияли на исход дела, и без их устранения невозможна защита охраняемых законом публичных интересов, в связи с чем апелляционное определение окружного военного суда Судебной коллегией было отменено и оставлено в силе решение гарнизонного военного суда.

Определение № 204-КГ16-7

41. Поскольку истец по истечении пятилетнего срока после окончания военно-учебного заведения в квартиру, принадлежащую родителям на праве собственности, обратно не вселился, а продолжил проходить военную службу в других населенных пунктах, законных оснований для продолжения отнесения истца к членам семьи собственников жилого помещения не имелось.

Решением Наро-Фоминского гарнизонного военного суда от 27 апреля 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Московского окружного военного суда от 21 июля 2016 г., Е. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконным сообщение врио руководителя Федерального государственного казенного учреждения “Восточное региональное управление жилищного обеспечения” Минобороны России (далее — ФГКУ “Востокрегионжилье”) от 29 февраля 2016 г. об отсутствии оснований для выплаты ему денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, как участнику накопительно-ипотечной системы жилищного

обеспечения военнослужащих, а также возложить на руководителя ФГКУ “Востокрегионжилье” обязанность по повторному рассмотрению его заявления с принятием решения о выплате указанных денежных средств.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе Е., Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ нашла, что при рассмотрении дела судами была допущена ошибка в применении норм материального права, выразившаяся в следующем.

Согласно материалам дела Е. в ноябре 2000 г. был вселен в качестве члена семьи в квартиру, принадлежащую на праве собственности его родителям и находящуюся в г. Наро-Фоминске Московской области.

После поступления в августе 2004 г. в военно-учебное заведение, дислоцированное в г. Смоленске, Е. выселился из указанной квартиры, а после окончания военно-учебного заведения он проходил военную службу в воинских частях, дислоцированных в г. Коврове Владимирской области, г. Ельне Смоленской области и с. Домне Забайкальского края.

В июне 2013 г. истец приобрел в собственность в г. Наро-Фоминске Московской области квартиру как участник накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, а в декабре 2015 г. обратился в ФГКУ “Востокрегионжилье” с заявлением о выплате ему денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, указав, что он не является нанимателем или членом семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма, собственником либо членом семьи собственника жилого помещения.

Приказами воинских должностных лиц от 24 декабря и от 26 декабря 2015 г. Е. уволен в отставку по состоянию здоровья — в связи с признанием его военно-врачебной комиссией негодным к военной службе — и исключен из списков части.

1 февраля 2016 г. истец снялся с регистрационного учета из квартиры родителей и зарегистрировался по адресу квартиры, принадлежавшей ему на праве собственности.

Сообщением врио руководителя ФГКУ “Востокрегионжилье” от 29 февраля 2016 г. заявление Е. о выплате денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, было оставлено без удовлетворения ввиду того, что истец в 2000 году вселен в жилое помещение, расположенное в г. Наро-Фоминске Московской области, как член семьи основного квартиросъемщика (собственника) жилого помещения, право пользования которым им не утрачено.

Признавая отказ законным, суд первой инстанции исходил из того, что наличие у Е. права пользования жилым помещением, принадлежащим его отцу, является прямым основанием для отказа в выплате денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения.

Соглашаясь с решением суда первой инстанции, окружной военный суд дополнительно указал, что непроживание Е. в квартире родителей не свидетельствует о том, что он не является членом их семьи, поскольку истец дал родителям согласие на приватизацию и до момента снятия с регистрационного учета за ним сохранялось право пользования этим жилым помещением.

Такой вывод судов основан на неправильном толковании закона.

Согласно пп. 1 и 15 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих” обеспечение военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, жилыми помещениями может быть реализовано в форме предоставления им денежных средств в рамках накопительно-ипотечной системы, условия и порядок участия в которой установлены Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ “О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих” (далее — Закон о накопительно-ипотечной системе).

В соответствии с ч. 1 ст. 4 Закона о накопительно-ипотечной системе реализация права на жилище участниками накопительно-ипотечной системы осуществляется посредством формирования накоплений для жилищного обеспечения на именных накопительных счетах участников и последующего использования этих накоплений, предоставления целевого жилищного займа и выплаты денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, учтенные на именном накопительном счете участника, до расчетного размера денежных средств, которые мог бы накопить участник накопительно-ипотечной системы в период от даты предоставления таких средств до даты, когда общая продолжительность его военной службы могла бы составить двадцать лет.

Выплата денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, в силу ч. 2 ст. 4 Закона о накопительно-ипотечной системе производится военнослужащим, участвовавшим в накопительно-ипотечной системе, или членам их семей, не являющимся нанимателями жилых помещений по договору социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения, за исключением жилых помещений, приобретенных с использованием целевых жилищных займов в соответствии с Законом о накопительно-ипотечной системе.

Из изложенного следует, что установление принадлежности истца к членам семьи собственников жилого помещения имеет существенное значение для дела, на что правильно указано в судебных актах.

Вместе с тем, признавая Е. членом семьи собственников жилого помещения — его родителей, суды оставили без внимания, что истец после поступления в августе 2004 г. в военно-учебное заведение выселился из этого жилого помещения и никогда туда больше не вселялся, а после окончания военной службы поселился и зарегистрировался в квартире, приобретенной в собственность за счет участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих.

Это обстоятельство является юридически значимым.

В соответствии с абз. 11 п. 1 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих” за военнослужащими, обеспечиваемыми служебными жилыми помещениями, на первые пять лет военной службы по контракту (не считая времени обучения в военных профессиональных образовательных организациях или военных образовательных организациях высшего образования) сохраняется право на жилые помещения, занимаемые ими до поступления на военную службу.

Содержание названной нормы Закона указывает на то, что за такими военнослужащими сохраняются жилые помещения, в которых они проживали до поступления на военную службу по контракту либо до поступления в военно-учебные заведения, лишь на первые пять лет военной службы.

О сохранении за ними права на жилые помещения, занимаемые до поступления на военную службу, на более длительный срок законодательство о воинской обязанности и военной службе указаний не содержит, а по общему правилу в силу ч. 1 ст. 31 ЖК РФ обязательным условием отнесения супруга собственника жилого помещения, а также его детей и родителей к членам семьи собственника жилого помещения является их совместное проживание.

Поскольку по истечении пятилетнего срока после окончания военно-учебного заведения Е. в квартиру, принадлежащую родителям на праве собственности, обратно не вселился, а продолжил проходить военную службу в других населенных пунктах, законных оснований для продолжения отнесения истца к члену семьи собственников жилого помещения не имелось.

Сохранение истцом в период военной службы регистрации в квартире, принадлежащей на праве собственности его родителям, с учетом фактического выселения из этой квартиры в 2004 году, отсутствия ведения с этого времени общего хозяйства с ними и приобретения в собственность отдельного жилья не может свидетельствовать о продолжении отнесения его к члену семьи собственников жилого помещения.

Что касается дачи Е. согласия на приватизацию квартиры своим родителям, то данное обстоятельство могло иметь юридическое значение в случае его фактического проживания в жилом помещении после дачи такого согласия, поскольку в силу чч. 2 и 4 ст. 69 ЖК РФ (до 1 марта 2005 г. — ст. 53 ЖК РСФСР) равные права с нанимателем жилого помещения по договору социального найма в государственном и муниципальном жилищном фонде, в том числе право пользования этим помещением, имеют члены семьи нанимателя и бывшие члены семьи нанимателя, продолжающие проживать в занимаемом жилом помещении.

Не усматривается в действиях истца, связанных с выселением из жилого помещения, принадлежащего на праве собственности его родителям, признаков злоупотребления правом.

При таких данных распространение на Е. ограничений для получения денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, установленных ч. 2 ст. 4 Закона о накопительно-ипотечной системе, а именно отнесение его к членам семьи собственника жилого помещения, нарушает его права.

С учетом изложенного сообщение врио руководителя ФГКУ “Востокрегионжилье” об отсутствии оснований для выплаты истцу денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, и выводы судов о правомерности такого сообщения на законе не основаны.

Допущенные судами нарушения повлияли на исход дела, и без их устранения невозможна защита нарушенных жилищных прав истца, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Это обстоятельство явилось основанием для отмены в кассационном порядке состоявшихся

по делу судебных актов и принятия по делу нового решения об удовлетворении заявления.

Определение № 201-КГ17-16

42. Не считаются командировками поездки военнослужащих на учебные сборы по подготовке к вступительным экзаменам в военные профессиональные образовательные организации или военные образовательные организации высшего образования.

Решением Белогорского гарнизонного военного суда от 26 января 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Дальневосточного окружного военного суда от 12 апреля 2016 г., удовлетворено административное исковое заявление З., в котором он просил признать незаконным отказ руководителя федерального казенного учреждения “Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Амурской области и Республике Саха (Якутия)” (далее — ФКУ УФО) в производстве выплаты командировочных расходов для прохождения предварительного и профессионального отборов приемной комиссией для зачисления в военную образовательную организацию высшего образования в качестве слушателя.

В кассационной жалобе руководитель ФКУ УФО, указав на то, что поездки истца для предварительного и профессионального отборов не являлись служебными командировками и были обусловлены поступлением в военно-учебное заведение, просил судебные акты отменить и принять по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ нашла жалобу подлежащей удовлетворению по следующим основаниям.

Судами при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела усматривается, что подполковник З. был направлен в период с 4 по 14 февраля 2015 г. для прохождения предварительного отбора в г. Рязань, а затем с 13 по 26 мая 2015 г. — для прохождения профессионального отбора приемной комиссией для зачисления в ВУНЦ ВВС в качестве слушателя в г. Воронеж, после чего обратился за компенсацией командировочных расходов. Получив отказ в их компенсации, З. обратился в суд.

Удовлетворяя административное исковое заявление, суды исходили из того, что направление З. для прохождения предварительного и профессионального отборов осуществлялось в соответствии с приказами командира воинской части, изданными на основании поступивших от вышестоящих воинских должностных лиц указаний и плана служебных командировок Военно-воздушных сил на 2015 год, с выдачей последнему командировочного удостоверения. В связи с этим суды, руководствуясь пп. 20 и 36 приказа Министра обороны РФ от 7 апреля 2015 г. № 185, пришли к выводу о том, что положения подп. “г” и “д” п. 125 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны РФ от 30 декабря 2011 г. № 2700 (в редакции, действовавшей на момент спорных отношений), не распространяют свое действие на военнослужащих, поступающих в качестве слушателей в вузы по очной форме обучения, а поэтому З. в феврале и мае 2015 г. пребы-

вал в служебной командировке и вправе претендовать на возмещение командировочных расходов.

Между тем такой вывод основан на неправильном применении норм материального права.

В соответствии с ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих” военнослужащие-граждане имеют право на обучение в военных профессиональных образовательных организациях, военных образовательных организациях высшего образования, иных организациях, находящихся в ведении федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, и реализующих программы дополнительного профессионального образования и (или) программы профессионального обучения.

Порядок и условия приема в образовательные организации высшего образования, находящиеся в ведении Министерства обороны Российской Федерации, утверждены приказом Министра обороны РФ от 7 апреля 2015 г. № 185 (далее — Порядок).

Согласно пп. 8, 20, 30 Порядка прием на обучение в вузы включает комплекс мероприятий по отбору кандидатов на обучение слушателями и курсантами, соответствующих требованиям, установленным законодательством Российской Федерации, и условиям, предусмотренным Порядком (далее — предварительный отбор), а также определению их способности осваивать образовательные программы соответствующего уровня и направленности (далее — профессиональный отбор). Предварительный отбор кандидатов из числа офицеров, поступающих в вузы на обучение слушателями, в соответствии с частными планами предварительного отбора организуется командирами воинских частей и осуществляется в целях направления в вуз для прохождения профессионального отбора наиболее подготовленных офицеров. Профессиональный отбор кандидатов из числа офицеров проводится ежегодно с 15 по 30 мая года приема в вуз приемными комиссиями высших военно-учебных заведений в целях определения способности поступающих осваивать образовательные программы соответствующего уровня.

Исходя из изложенного, предварительный и профессиональный отборы являются неотъемлемой частью единого процесса приема в образовательные организации высшего образования.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела, поскольку в соответствии с п. 125 приказа Министра обороны РФ от 30 декабря 2011 г. № 2700 “Об утверждении порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации” (в редакции, действовавшей на момент спорных правоотношений) не считаются командировками поездки военнослужащих при выездах, связанных с поступлением на обучение и обучением в заочных федеральных государственных профессиональных образовательных организациях, федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, заочной адъюнктуры, а также при выездах на учебные сборы по подготовке военнослужащих к вступительным экзаменам в военные профессиональные образовательные организации или военные образовательные организации высшего образования.

Эти положения, вопреки выводу судов, распространяют свое действие также на военнотру-

жащих, поступающих в качестве слушателей в вузы по очной форме обучения.

Для подготовки и сдачи вступительных экзаменов в военно-учебные заведения военнослужащим предоставляются учебные отпуска по основаниям и в порядке, предусмотренным п. 31 Положения о порядке прохождения военной службы.

Кроме того, в соответствии с абз. 4 п. 2 Инструкции о планировании служебных командировок, наградного фонда и фонда единовременных денежных пособий, утвержденной приказом Министра обороны РФ от 2 мая 2012 г. № 1055, при разрешении вопроса о том, находился ли военнослужащий в служебной командировке, юридически значимыми являются обстоятельства, связанные с направлением военнослужащего по распоряжению командира (начальника), на определенный срок, в другую местность и для выполнения конкретного служебного задания вне пункта постоянной дислокации или временного расквартирования воинской части (подразделения), в которой военнослужащий проходит военную службу.

Только при наличии всех вышеперечисленных условий можно сделать вывод о нахождении военнослужащего в служебной командировке.

Из материалов же дела не усматривается, что направление 3. в период с 4 по 14 февраля 2015 г. для прохождения предварительного отбора в г. Рязань, а затем с 13 по 26 мая 2015 г. для прохождения профессионального отбора приемной комиссией для зачисления в ВУНЦ ВВС в качестве слушателя в г. Воронеж было обусловлено выполнением служебного задания.

При таких данных прохождение 3. предварительного и профессионального отборов в период с 4 по 14 февраля и с 13 по 26 мая 2015 г. является неотъемлемой частью единого процесса поступления в вуз и не было обусловлено выполнением им служебного задания, в связи с чем не может быть признано служебной командировкой.

С учетом этого оснований для компенсации 3. командировочных расходов не имелось, а действия руководителя ФКУ УФО являются законными и обоснованными.

Применение судами пп. 20 и 36 приказа Министра обороны РФ от 7 апреля 2015 г. № 185 к вопросу оплаты командировочных расходов является ошибочным, поскольку данные правоотношения регламентируются иными нормами материального права — приказами Министра обороны РФ от 30 декабря 2011 г. № 2700, а также от 2 мая 2012 г. № 1055 “О планировании служебных командировок, наградного фонда и фонда единовременных денежных пособий”.

Приведя указанные доводы, Судебная коллегия отменила решение Белогорского гарнизонного военного суда от 26 января 2016 г. и апелляционное определение судебной коллегии Дальневосточного окружного военного суда от 12 апреля 2016 г. по заявлению 3. и приняла по делу новое решение, которым отказала в удовлетворении его требований.

Определение № 208-КГ16-42

43. Лицо, указавшее в ходе следствия место хранения им оружия, боеприпасов и взрывного устройства, подлежало освобождению от уголовной ответственности по ст.ст. 222 и 222¹ УК РФ, поскольку до сообщения о месте хранения указанных предметов органы предварительного следствия не обладали информацией об этом, а сам осужденный мог продолжать их хранение.

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 25 ноября 2016 г. Т. признан виновным в том числе в незаконных хранении и ношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывного устройства, совершенных организованной группой, и осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 222 и ч. 3 ст. 222¹ УК РФ.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе защитника осужденного, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ приговор изменила: на основании примечания к ст. 222¹ УК РФ в части осуждения Т. по ч. 3 ст. 222¹ УК РФ приговор отменила и уголовное дело прекратила; на основании примечания к ст. 222 УК РФ исключила из обвинения Т. по ч. 3 ст. 222 УК РФ указание о признании его виновным в ношении и хранении автомата АК-74, 26 патронов к нему, ручной гранаты Ф-1, изъятых при проверке его показаний; смягчила Т. наказание по ч. 3 ст. 222 УК РФ и по совокупности других преступлений.

В обоснование Судебная коллегия привела следующие доводы.

Из материалов дела следует, что Т. 12 апреля 2015 г. получил от руководителя незаконного вооруженного формирования автомат АК-74, боеприпасы: пять магазинов, снаряженных 150 патронами, ручную гранату Ф-1 и взрывное устройство УЗРГМ-2. Автомат и патроны Т. незаконно хранил и носил при себе до октября 2015 г., после чего дополнительно получил у иного участника банды автомат АК-74 и 31 патрон к нему, которые незаконно хранил и носил при себе до 16 октября 2015 г.

Один автомат АК-74, 26 патронов к нему, 5 гильз, ручную гранату Ф-1 и запал к ней УЗРГМ-2 были изъятые 16 июня 2016 г. в ходе проверки показаний Т.

Таким образом, один автомат АК-74 и боеприпасы: пять магазинов, снаряженных 150 патронами, полученные Т. от руководителя незаконного вооруженного формирования 12 апреля 2015 г., с обвинением в ношении и хранении которых в составе организованной группы он согласился, — им добровольно не сданы, что не оспаривается в апелляционной жалобе. В связи с этим оснований для освобождения Т. от уголовной ответственности по всему объему обвинения по ч. 3 ст. 222 УК РФ не имеется.

Вместе с тем доводы апелляционной жалобы о необходимости исключения из приговора указания на осуждение Т. на основании примечаний к ст.ст. 222 и 222¹ УК РФ обвинения в ношении и хранении предметов, изъятых органами предварительного следствия 16 июня 2016 г. в месте, указанном Т. в ходе допроса в качестве обвиняемого (оружия и боеприпасов — одного автомата АК-74, 26 патронов к нему, гранаты Ф-1 и взрывного устройства — запала УЗРГМ-2), являются обоснованными.

Судом установлено, что до сообщения Т. о месте хранения указанных предметов органы предварительного следствия не обладали информацией об этом, а сам осужденный мог продолжать их хранение.

При таких данных оснований для непризнания указанного сообщения добровольной сдачей этих предметов и для отказа в исключении из приговора указания об осуждении Т. за их ношение и хранение не имеется.

Тот факт, что названные предметы были изъятые в ходе проверки показаний Т., не исключает

возможности применения примечаний к ст.ст. 222 и 222¹ УК РФ, поскольку производство данного следственного действия стало возможным лишь в результате сообщения осужденного о месте их хранения, т.е. после совершения действий по добровольной выдаче.

Также не препятствует применению примечания к ст.ст. 222 и 222¹ УК РФ то обстоятельство, что данную информацию Т. довел до органов предварительного следствия после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, так как действующее законодательство не содержит указаний о недопустимости освобождения лица от уголовного ответственности по данному основанию после удовлетворения ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении соглашения.

Апелляционное определение № 205-АПУ17-7

44. Если в результате принятых мер установить место нахождения свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным, решение об оглашении его показаний может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами.

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 31 августа 2016 г. К. признан виновным и осужден за склонение двух граждан к совершению преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, и за покушение на участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

Рассмотрев дело по апелляционным жалобам осужденного и его защитников, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ приговор изменила, исключила из описательно-мотивировочной части приговора ссылку на показания свидетеля У., данные им в ходе предварительного расследования.

Как усматривается из протокола судебного заседания, показания свидетеля У., несмотря на возражения стороны защиты, были оглашены по ходатайству государственного обвинителя по причине заболевания свидетеля и нахождения его на больничном. В дальнейшем сторона защиты неоднократно ходатайствовала о вызове и непосредственном допросе У. в судебном заседании, однако по удовлетворении этого ходатайства было отказано.

Между тем в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 281 УПК РФ оглашение показаний свидетеля допускается в случае тяжелой болезни, препятствующей явке в суд, а нахождение свидетеля У. на больничном к такому случаю не относится.

Кроме того, согласно ч. 2¹ ст. 281 УПК РФ решение об оглашении показаний свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с его участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами.

Поскольку К. в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена такая возможность, то предусмотренных законом оснований для оглашения показаний свидетеля У. в судебном заседании не имелось, а поэтому они подлежат исключению из приговора.

Вместе с тем Судебная коллегия указала в апелляционном определении, что исключение названных показаний не свидетельствует о незакон-

ности и необоснованности приговора в целом, постановленного на достаточной совокупности иных исследованных в судебном заседании доказательств, отвечающих требованиям закона.

Апелляционное определение № 205-АПУ17-4

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Вопрос 1. Вправе ли заказчик требовать от подрядчика возмещения расходов на устранение недостатков работ в случае, когда договором подряда не предусмотрено право заказчика их устранять, а подрядчик уклонился от исполнения соответствующего требования заказчика?

Ответ. В силу п. 1 ст. 723 ГК РФ в случаях, когда работа выполнена подрядчиком с отступлениями от договора подряда, ухудшившими результат работы, или с иными недостатками, которые делают его непригодным для предусмотренного в договоре использования либо при отсутствии в договоре соответствующего условия непригодности для обычного использования, заказчик вправе, если иное не установлено законом или договором, по своему выбору потребовать от подрядчика: безвозмездного устранения недостатков в разумный срок; соразмерного уменьшения установленной за работу цены; возмещения своих расходов на устранение недостатков, когда право заказчика устранять их предусмотрено в договоре подряда (ст. 397 ГК РФ).

Содержащееся в п. 1 ст. 723 ГК РФ указание на то, что названные расходы возмещаются, когда право заказчика устранять недостатки предусмотрено в договоре, направлено на защиту интересов подрядчика от действий заказчика по изменению результата работ без привлечения подрядчика, а также на уменьшение расходов заказчика, поскольку предполагается, что именно подрядчик, выполнивший работы, имеет полную информацию об их результате и, соответственно, может устранить возникшие недостатки наименее затратным способом.

Следовательно, заказчик вправе требовать возмещения расходов на устранение недостатков работ своими силами или силами третьего лица, не обращаясь к подрядчику, лишь в случае, когда такое право установлено договором подряда.

При этом п. 1 ст. 723 ГК РФ не может быть истолкован как ограничивающий право заказчика на возмещение расходов на устранение недостатков в случае, если он, действуя добросовестно, предпринял меры по привлечению подрядчика к устранению недостатков, т.е. направил последнему требование об их устранении в срок, предусмотренный законом, иным нормативным актом или договором, а при его отсутствии — в разумный срок (в том числе незамедлительно, если это требовалось по характеру недостатков), однако подрядчик уклонился от устранения недостатков работ. В таком случае расходы заказчика на устранение недостатков работ подлежат возмещению (ст.ст. 15, 393, 721 ГК РФ).

Вопрос 2. Соответствует ли закону условие договора субподряда о том, что срок оплаты выполненных субподрядчиком строительных работ исчисляется с момента сдачи генеральным подрядчиком результата этих работ заказчику или с момента получения генеральным подрядчиком оплаты от заказчика?

Ответ. Согласно п. 1 ст. 746 ГК РФ оплата выполненных подрядчиком строительных работ производится заказчиком в размере, предусмотренном сметой, в сроки и в порядке, которые установлены законом или договором строительного подряда. При отсутствии названных указаний в законе или договоре оплата работ производится в соответствии со ст. 711 ГК РФ.

По общему правилу установленный законом, иными правовыми актами, сделкой или назначаемый судом срок определяется календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами. Срок может определяться также указанием на событие, которое должно неизбежно наступить (ст. 190 ГК РФ).

Вместе с тем согласно п. 1 ст. 314 ГК РФ исчисление срока исполнения обязательства допускается в том числе с момента исполнения обязанностей другой стороной или наступления иных обстоятельств, предусмотренных законом или договором. Подобным же образом в силу ст. 327¹ ГК РФ исполнение обязанностей, а равно и осуществление, изменение и прекращение определенных прав по договорному обязательству, может быть обусловлено совершением или несовершением одной из сторон обязательства определенных действий либо наступлением иных обстоятельств, предусмотренных договором, в том числе полностью зависящих от воли одной из сторон.

Таким образом, само по себе не противоречит указанным нормам условие договора субподряда о том, что срок оплаты выполненных субподрядчиком строительных работ исчисляется с момента сдачи генеральным подрядчиком результата этих работ заказчику по договору или с момента получения генеральным подрядчиком оплаты от заказчика.

При этом следует учитывать разъяснения, содержащиеся в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 “О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении” о защите прав стороны обязательства, начало течения срока исполнения которого обусловлено наступлением определенных обстоятельств, предусмотренных договором.

Вопрос 3. Может ли арбитражный суд апелляционной инстанции или арбитражный суд кассационной инстанции, образованный в соответствии с Федеральным конституционным законом “Об арбитражных судах в Российской Федерации”, установив, что апелляционная (кассационная) жалоба, содержащая ходатайство о восстановлении пропущенного срока ее подачи, подана в суд с нарушением требований, установленных ст.ст. 260, 277 АПК РФ, указать на восстановление срока в определении об оставлении жалобы без движения?

Возможно ли рассмотрение ходатайства о восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной (кассационной) жалобы, если жалоба, содержащая такое ходатайство, не подписана лицом, ее подавшим?

Ответ. По правилам ч. 3 ст. 259, ч. 3 ст. 276 АПК РФ ходатайство о восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной или кассационной жалобы рассматривается, соответственно, арбитражным судом апелляционной инстанции или арбитражным судом кассационной инстанции, образованным в силу Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ “Об арбитражных судах в Российской Федерации” (далее — арбитражный суд апелляционной (кассационной) инстанции), в порядке, предусмотренном ст. 117 АПК РФ.

Согласно требованиям ч. 3 ст. 259, ч. 3 ст. 276 АПК РФ во взаимосвязи с ч. 4 ст. 117 АПК РФ, с учетом положений ст.ст. 261, 264, 278, 281 АПК РФ, п. 35 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. № 99 “О процессуальных сроках” ходатайство о восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной (кассационной) жалобы рассматривается судьей единолично без извещения лиц, участвующих в деле, одновременно с решением вопроса о принятии жалобы к производству в пятидневный срок со дня его поступления в суд. Ходатайство о восстановлении срока оставлению без движения не подлежит.

Проверка апелляционной (кассационной) жалобы на соответствие требованиям ст.ст. 260, 277 АПК РФ о форме и содержании апелляционной (кассационной) жалобы проводится в случае удовлетворения ходатайства о восстановлении пропущенного срока.

Таким образом, установлена последовательность действий судьи: сначала рассматривается ходатайство о восстановлении пропущенного срока, а затем жалоба проверяется на соответствие требованиям Арбитражного процессуального кодекса РФ к ее форме и содержанию.

В зависимости от того, соблюдены эти требования или нет, апелляционная (кассационная) жалоба может быть принята к производству арбитражного суда апелляционной (кассационной) инстанции (ст.ст. 261, 278 АПК РФ) или оставлена без движения (ст.ст. 263, 280 АПК РФ).

Положения ч. 4 ст. 259, ч. 4 ст. 276 АПК РФ о том, что на восстановление пропущенного срока подачи апелляционной (кассационной) жалобы суд указывает в определении о принятии апелляционной (кассационной) жалобы к производству, следует применять к ситуациям, когда при рассмотрении вопроса о принятии жалобы к производству суд установит, что она подана с соблюдением требований, предъявляемых Кодексом к ее форме и содержанию.

Если суд удовлетворяет ходатайство о восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной (кассационной) жалобы, но устанавливает, что жалоба подана с нарушением требований, предусмотренных ст.ст. 260, 277 АПК РФ, и подлежит оставлению без движения, на восстановление пропущенного срока суд вправе указать в определении об оставлении жалобы без движения.

В случае когда ходатайство о восстановлении пропущенного срока содержится в тексте поданной с пропуском срока апелляционной (кассационной) жалобы, не подписанной лицом, ее подавшим, такое ходатайство не может быть рассмотрено судом. В связи с этим апелляционная (кассационная) жалоба подлежит возвращению судьей на основании п. 3 ч. 1 ст. 264, п. 2 ч. 1 ст. 281 АПК РФ как поданная по истечении срока подачи жалобы и не содержащая ходатайство о его восстановлении.

Вопрос 4. Какой срок давности привлечения к административной ответственности подлежит применению при совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.33 КоАП РФ?

Ответ. В соответствии с п. 1 ст. 4 Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ “О техническом регулировании” (далее — Закон о техническом регулировании) законодательство Российской Федерации о техническом регулировании состоит из данного Закона, принимаемых в соответствии с ним федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

На основании Закона о техническом регулировании и требований технических регламентов органы государственного контроля (надзора) вправе требовать от изготовителя (продавца, лица, выполняющего функции иностранного изготовителя) предъявления декларации о соответствии или сертификата соответствия, подтверждающих соответствие продукции требованиям технических регламентов, или их копий либо регистрационный номер декларации о соответствии или сертификата соответствия, если применение таких документов предусмотрено соответствующим техническим регламентом (п. 1 ст. 34 Закона о техническом регулировании).

Данное право корреспондирует обязанности лица предъявлять в органы государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технических регламентов, а также заинтересованным лицам документы, свидетельствующие о подтверждении соответ-

ствия продукции требованиям технических регламентов (декларацию о соответствии, сертификат соответствия или их копии) либо регистрационный номер сертификата соответствия или декларации о соответствии (п. 2 ст. 28 Закона о техническом регулировании).

Непредставление либо уклонение изготовителя, исполнителя (лица, выполняющего функции иностранного изготовителя), продавца от представления образцов продукции, документов или сведений, необходимых для осуществления государственного контроля (надзора) в сфере технического регулирования, за исключением случаев, предусмотренных ст. 8.23, ч. 2 ст. 13.4, ст.ст. 13.8 и 14.37 КоАП РФ, влечет административную ответственность такого лица по ст. 19.33 КоАП РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ срок давности привлечения к административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о техническом регулировании составляет один год.

Таким образом, поскольку непредставление лицом документов или сведений, необходимых для осуществления государственного контроля (надзора) в сфере технического регулирования (которыми, в частности, являются декларация о соответствии или сертификат соответствия) нарушает обязанность, предусмотренную Законом о техническом регулировании, то срок давности за данное правонарушение, предусмотренное ст. 19.33 КоАП РФ, составляет один год.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

1. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2017 г. № 6-П положения ст. 15, п. 1 ст. 1064, ст. 1072 и п. 1 ст. 1079 ГК РФ признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования и во взаимосвязи с положениями Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» они предполагают — исходя из принципа полного возмещения вреда — возможность возмещения потерпевшему лицом, гражданская ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, вреда, причиненного при эксплуатации транспортного средства, в размере, который превышает страховое возмещение, выплаченное потерпевшему в соответствии с законодательством об обязательном страховании гражданской ответственности.

В связи с вступлением в силу указанного постановления¹ из обзоров судебной практики Верховного Суда Российской Федерации подлежат исключению:

ответ на вопрос о возможности взыскания с непосредственного причинителя вреда стоимости необходимых для восстановления автотранспортного средства деталей, узлов и агрегатов без учета износа, опубликованный в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015), утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2015 г.;

пункт 22 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г.).

2. Из Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравнен-

ных к ним местностях, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 26 февраля 2014 г., исключается раздел “2. Компенсации работнику, увольняемому в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации”.

3. В связи с принятием определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 марта 2017 г. № 309-ЭС16-10730 об исправлении опечаток в тексте определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 декабря 2016 г. № 309-ЭС16-10730 по делу № А07-12906/2015 Арбитражного суда Республики Башкортостан внести в п. 20 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2017 г., следующие изменения:

в восьмом абзаце пункта 20 после слов “В решении по делам” вместо слов “Лингренс против Австрии” от 8 июня 1986 г., “Гринберг против Российской Федерации” от 21 июня 2005 г.” читать “Лингенс против Австрии” от 8 июля 1986 г., “Гринберг против Российской Федерации” от 21 июля 2005 г.”.

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации” “толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; ст.ст. 3—33). Согласно п. “b” ч. 3 ст. 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования”.

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административных правоотношений

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам инвалидов²

Сообщение: *Майкл Локри против Австралии*. Сообщение № 13/2013. Сообщения приняты Комитетом по правам инвалидов (далее — Комитет) 1 апреля 2016 г.

Тема сообщения: участие глухих лиц в составе жюри присяжных.

²Комитет ООН по правам инвалидов (далее — Комитет) действует на основании Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. (далее — Конвенция). Российская Федерация является участником указанного международного договора. По состоянию на 1 апреля 2017 г. Российская Федерация не признавала компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

¹Опубликовано 15 марта 2017 г. на “Официальном интернет-портале правовой информации” (www.pravo.gov.ru), номер опубликования: 0001201703150006.

Вопрос существа: равенство и недискриминация; разумное приспособление; равенство перед законом; свобода выражения мнения; участие в политической жизни.

Правовые позиции Комитета. [О]пределение дискриминации по признаку инвалидности, содержащееся в ст. 2 Конвенции, четко указывает, что “она включает все формы дискриминации, в том числе отказ в разумном приспособлении”... Комитет напоминает, что дискриминация может быть следствием дискриминационного применения какого-либо правила или меры, которые, на первый взгляд, являются нейтральными или не направлены на дискриминацию, но при этом несоразмерно затрагивают интересы инвалида¹. Помимо этого, в соответствии с п. 1 ст. 5 [Конвенции] государства-участники должны обеспечивать равенство всех лиц перед законом и по нему и их право на равную защиту закона и равное пользование им без всякой дискриминации, и в соответствии с п. 3 ст. 5 государства-участники обязаны предпринимать все надлежащие шаги к обеспечению разумного приспособления для поощрения равенства и устранения дискриминации (п. 8.3 Соображения).

Комитет напоминает, что согласно ст. 2 Конвенции “разумное приспособление” означает внесение, когда это нужно в конкретном случае, необходимых и подходящих модификаций и коррективов, не становящихся несоразмерным или неоправданным бременем, в целях обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими всех прав человека и основных свобод². Комитет считает, что при оценке обоснованности и соразмерности шагов по обеспечению приспособления государства-участники пользуются определенной свободой толкования³. Однако они обязаны обеспечивать проведение обстоятельной и объективной оценки с учетом всех имеющих отношение к делу элементов до принятия решения о том, что соответствующая поддержка и адаптивные меры могли бы стать несоразмерным или необоснованным бременем для государства-участника⁴ (п. 8.4 Соображения).

Комитет напоминает, что согласно этому положению государства-участники обязаны принимать надлежащие меры “чтобы наделить инвалидов возможностью вести независимый образ жизни и всесторонне участвовать во всех аспектах жизни”... Комитет отмечает, что выполнение обязанностей члена жюри присяжных является важным аспектом общественной жизни по смыслу п. 1 ст. 9 [Конвенции] как одно из проявлений гражданской позиции... Комитет также напоминает, что согласно его [3]амечанию общего порядка № 2 (2014 год) по ст. 9 [Конвенции]: “доступность”, обязательство обеспечивать доступность является безусловным⁵, и что крайне важно подходить к вопросу о доступности с учетом всех его аспектов, включая вопросы общения. Подобным образом доступ должен эффективно обеспечиваться наравне с другими в соответствии с запретом дискриминации, а отказ в доступе

следует считать дискриминационным актом (п. 8.6 Соображения).

Комитет напоминает, что согласно п. “b” ст. 21 Конвенции государства-участники принимают все надлежащие меры для обеспечения того, чтобы инвалиды могли пользоваться правом на свободу выражения мнения и убеждений, включая свободу искать, получать и распространять информацию и идеи наравне с другими, пользуясь по своему выбору всеми формами общения, на основе признания и поощрения использования различных средств и форматов общения в рамках официальных сношений. Комитет... напоминает, что согласно ст. 2 Конвенции “общение” включает языки и альтернативные методы, способы и форматы общения, в число которых, разумеется, входит субтитрование (п. 8.8 Соображения).

Комитет напоминает, что согласно ст. 13 [Конвенции] государства-участники обязаны обеспечивать эффективный доступ к правосудию инвалидов наравне с другими в целях содействия выполнению ими эффективной роли “прямых и косвенных участников во всех стадиях юридического процесса”, в том числе путем обеспечения процессуальных и соответствующих возрасту коррективов... Комитет... напоминает, что п. “b” ст. 29 [Конвенции] требует от государств активно способствовать созданию обстановки, в которой инвалиды могли бы эффективно и всесторонне участвовать в управлении государственными делами без дискриминации и наравне с другими, и поощрять их участие в государственных делах. В связи с этим следует уделять внимание участию инвалидов в деятельности системы правосудия не только в качестве истцов, жертв или обвиняемых, но и, в том числе, в форме выполнения обязанностей члена жюри присяжных наравне с другими (п. 8.9 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению жалобу автора на то, что отказ предоставить ему услуги по субтитрованию, с помощью которого он мог бы выполнять обязанности члена жюри присяжных, является дискриминационным, поскольку он равнозначен отказу в обеспечении разумного приспособления в нарушение пп. 1 и 3 ст. 5 Конвенции. Комитет также принимает во внимание утверждение государства-участника об отсутствии какого-либо нарушения прав автора по ст. 5 [Конвенции], поскольку применимое национальное законодательство не является дискриминационным, а предусмотренное Законом о жюри присяжных дифференцированное обращение закономерно. Государство-участник... заявляет, что его законодательство и политика обеспечивают разумное приспособление в соответствии с требованиями Конвенции (п. 8.2 Соображения).

[А]втор был трижды вызван повесткой для выполнения обязанностей члена жюри присяжных, в том числе два раза после того, как он сообщил, что хотел бы участвовать в процессе отбора и что при этом он будет нуждаться в субтитровании. Комитет... отмечает, что, отказывая автору в просьбе о предоставлении услуг по субтитрованию, шериф порекомендовала ему представить медицинское заключение о том, что он страдает глухотой, и сообщила, что в противном случае ему грозит штраф в размере 1100 долларов США за неисполнение обязанности выполнять функции члена жюри присяжных. Кроме того, Управление шерифа прямо проинформировало автора о том, что он не может выполнять обязанности

¹См. сообщение № 10/2013, *С.К. против Бразилии*, Решение о неприемлемости от 2 октября 2014 г., п. 6.4.

²См. сообщение № 5/2011, *Юнгелин против Швеции*, Соображения от 2 октября 2014 г., п. 10.4.

³Там же, п. 10.5.

⁴Там же, п. 10.6.

⁵См. п. 25.

члена жюри присяжных в силу того, что является глухим, и при этом мотивировало свой отказ обеспечить субтитрование разделом 48 Закона о жюри присяжных 1977 года, считая, что нахождение в совещательной комнате лица, не являющегося членом жюри присяжных, будет несовместимо с принципом конфиденциальности обсуждений в жюри присяжных (п. 8.3 Соображения).

В настоящем случае Комитет отмечает, что предоставленные государством-участником услуги коррективного характера для поддержки лиц с расстройствами слуха не позволили бы автору участвовать в работе жюри присяжных наравне с другими. Он также отмечает, что вопреки утверждениям государства-участника о том, что привлечение стенографов повлияло бы на сложность, стоимость и продолжительность судебных процессов, оно не представило никаких данных или аналитических выкладок в подтверждение того, что это явилось бы несоразмерным или необоснованным бременем. К тому же, хотя принцип конфиденциальности совещаний жюри присяжных, безусловно, подлежит соблюдению, государство-участник не представило аргументов в обоснование невозможности принятия каких-либо коррективных мер, в частности приведения присяжных к присяге перед судом, чтобы позволить лицу, оказывающему услуги по субтитрованию, выполнять свои функции, не ставя под угрозу конфиденциальность совещаний в жюри присяжных. Комитет в заключение отмечает, что субтитрование не является каким-либо новшеством и что некоторые судьи и адвокаты с расстройствами слуха действительно выполняют свои повседневные функции с помощью таких устройств. Исходя из имеющейся информации, Комитет считает, что государство-участник не приняло необходимых мер для обеспечения для автора разумного приспособления, и приходит к выводу о том, что отказ в предоставлении услуг по субтитрованию без надлежащей оценки вопроса о том, будет ли такая мера представлять собой несоразмерное или необоснованное бремя, равнозначен дискриминации по признаку инвалидности в нарушение прав автора по пп. 1 и 3 ст. 5 Конвенции (п. 8.5 Соображения).

В данном случае, отказавшись предоставить услуги по субтитрованию, государство-участник не приняло надлежащих мер для того, чтобы позволить автору выполнять обязанности члена жюри присяжных, и тем самым воспрепятствовало его участию в одном из очевидных “аспектов жизни” в нарушение его прав по п. 1 ст. 9 [Конвенции], рассматриваемому отдельно или в совокупности со ст.ст. 2 и 4 и с пп. 1 и 3 ст. 5 Конвенции (п. 8.6 Соображения).

Относительно жалобы автора по ст. 21 Конвенции Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что в настоящем случае штат Новый Южный Уэльс выполнил положение о “признании и поощрении использования жестовых языков” и других средств общения и что обязательства по ст. 21 [Конвенции] будут выполняться поэтапно. Комитет также отмечает мнение автора о том, что ст. 21 [Конвенции] не содержит прав и обязательств, которые должны выполняться поэтапно, и что меры, которые, как утверждает государство-участник, оно приняло в плане создания глухим лицам возможностей для участия в работе жюри присяжных, не были адаптированы к его потребностям (п. 8.7 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что присяжный заседатель является лицом, которое несет публичную ответственность за отправление правосудия “в рамках взаимодействия с другими лицами”, включая других членов жюри присяжных и судебных чиновников, и что такое взаимодействие поэтому представляет собой “официальные сношения” по смыслу ст. 21 [Конвенции]. В свете вышесказанного Комитет считает, что отказ в предоставлении автору такого формата общения, в котором он нуждается для выполнения им обязанностей члена жюри присяжных, и для выражения им таким образом своего мнения в рамках официальных сношений, равнозначен нарушению п. “b” ст. 21 [Конвенции], рассматриваемого отдельно и в совокупности со ст.ст. 2, 4 и пп. 1 и 3 ст. 5 Конвенции (п. 8.8 Соображения).

По поводу жалобы автора по п. 1 ст. 13 и ст. 29 Конвенции Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что эта жалоба не имеет под собой оснований, поскольку оно считает, что под “эффективным доступом к правосудию” имеется в виду доступность системы правосудия и что термин “прямые” и “косвенные” участники не распространяется на присяжных заседателей. Государство-участник также утверждает, что положение о “разумном приспособлении” не применимо к ст. 13 [Конвенции]. В свою очередь, автор заявляет, что выражение “прямые и косвенные участники” касается лиц, принимающих участие в деятельности системы правосудия, и что обязательство по ст. 5 [Конвенции] предоставлять “разумные приспособления” применимо к осуществлению этих прав... Комитет отмечает, что выполнение обязанностей члена жюри присяжных является неотъемлемой частью австралийской судебной системы и как таковое представляет собой “участие” в судебных процессах (п. 8.9 Соображения).

Вывод Комитета. Государство-участник не выполнило свои обязательства по пп. 1 и 3 ст. 5, п. 1 ст. 9, п. 1 ст. 13 [Конвенции], рассматриваемым по отдельности и в совокупности со ст. 3, п. 1 ст. 5, п. “b” ст. 29 и п. “b” ст. 21 [Конвенции], рассматриваемым по отдельности и в совокупности со ст.ст. 2 и 4, а также пп. 1 и 3 ст. 5 Конвенции (п. 9 Соображения).

Комитет по правам человека¹

Сообщение: Аманда Джейн Меллет против Ирландии. Сообщение № 2324/2013. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 31 марта 2016 г.

Вопрос существа: жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение; право на неприкосновенность личной жизни; право на получение информации; гендерная дискриминация.

Правовые позиции Комитета. Как указывается в п. 3... [Замечания общего порядка № 20², текст ст. 7 [Пакта] не допускает никаких ограничений и что никакие оправдания или смягчающие об-

¹ Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее — Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства — продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

² Комитета по правам человека.

стоятельства не могут приводиться в качестве основания для нарушения ст. 7 по каким-либо причинам (п. 7.6 Соображения).

Комитет напоминает свой ранее принятый вывод о том, что под действие этого положения [ст. 17 Пакта] подпадает решение женщины просить о прерывании беременности¹ (п. 7.7 Соображения).

Комитет напоминает свое [3]амечание общего порядка № 16 (1988 год) о праве на неприкосновенность личной жизни, согласно которому концепция произвольности призвана гарантировать, что даже в случае допустимого по законодательству вмешательства оно должно соответствовать положениям, целям и задачам Пакта и в любом случае должно быть разумным с учетом конкретных обстоятельств (п. 7.8 Соображения).

В п. 13 [3]амечания общего порядка № 28 (2000 год) о равноправии мужчин и женщин Комитет указывает, что: “не всякая дифференциация является дискриминацией, если критерии такой дифференциации являются разумными и объективными и если задача заключается в достижении цели, которая является законной по Пакту” (п. 7.11 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. [А]втор настоящего сообщения была проинформирована государственными медицинскими работниками на 21-й неделе беременности о том, что у ее плода имеются врожденные пороки развития и что он умрет в ее утробе или вскоре после рождения. В результате запрета абортот в Ирландском законодательстве она была поставлена перед выбором: либо доносить плод в сознании того, что он, вероятнее всего, умрет в ее утробе, либо добровольно прервать беременность в какой-либо зарубежной стране. Статья 40.3.3 Конституции Ирландии предусматривает, что “государство признает право на жизнь нерожденного плода и с должным учетом равного права на жизнь матери гарантирует выполнение своих законов в части уважения и, по практической возможности, своих законов в части защиты и осуществления этого права”. Государство-участник утверждает, что его конституционная и законодательная база отражает гибкий и соразмерный подход к осознанному мнению ирландского электората на глубоко нравственный вопрос о допустимых пределах защиты интересов плода и их сбалансированности с правами женщины². Государство-участник также указывает, что ст. 40.3.3 Конституции в толковании его Верховного суда предполагает законность прерывания беременности в Ирландии только при установлении наличия реальной и серьезной опасности для жизни женщины (в отличие от ее здоровья), которой можно избежать только с помощью прерывания беременности (п. 7.2 Соображения).

Автор утверждает, что стала жертвой жестокого, бесчеловечного и унижающего ее достоинство обращения вследствие законодательного запрета на проведение абортот, поскольку в Ирландии ей было отказано, в частности, в необходимых ей медицинских услугах и психологической поддержке; что она была вынуждена выби-

рать между продолжением вынашивания умирающего плода и прерыванием беременности за рубежом; и поскольку она стала жертвой усиленной стигматизации. Государство-участник отклоняет утверждение автора, в частности, доводами о том, что упомянутый запрет призван обеспечивать баланс между коллидирующими правами плода и женщины; что ее жизни ничто не угрожало; и что ни одно лицо или представитель государства не были причастны к каким-либо произвольным процессам принятия решений или “нарушениям”, которые бы стали причиной жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения либо способствовали этому. Государство-участник также утверждает, что его законодательная база гарантирует права граждан на получение информации об услугах по проведению абортот за рубежом (п. 7.3 Соображения).

По мнению Комитета, если какое-либо конкретное поведение или действие является законным по внутригосударственному праву, это не означает, что оно не может нарушать ст. 7 Пакта. В силу существующей нормативной базы государство-участник создало для автора условия, в которых она испытывала жестокие физические и моральные страдания. Автор как беременная женщина находилась в крайне уязвимом положении после того, как узнала, что ее долгожданная беременность не приведет к рождению живого ребенка и, как это задокументировано, в частности, в представленных Комитету заключениях о ее психологическом состоянии, испытывала жестокие физические и психические страдания, которые усугублялись невозможностью получения от системы здравоохранения Ирландии дальнейшей медицинской помощи и медицинской страховки для продолжения лечения; необходимостью выбора между продолжением беременности нежизнеспособным плодом и выездом в какую-либо страну во время вынашивания умирающего плода за свои личные средства и без поддержки со стороны своей семьи, а также возвращения в страну без полного восстановления своего здоровья; стыдом и стигматизацией, которые были обусловлены уголовным наказанием за аборт нежизнеспособного плода. Многих из описанных автором негативных последствий можно было избежать, если бы ей не было запрещено прервать беременность в знакомых для нее условиях собственной страны и при содействии медицинских работников, которых она знала и которым доверяла; и если бы она могла воспользоваться предусмотренными в Ирландии и необходимыми ей льготами в области медицинской помощи, которыми пользовались другие лица, если бы она продолжала вынашивать нежизнеспособный плод в целях рождения мертворожденного ребенка в Ирландии (п. 7.4 Соображения).

Комитет считает, что страдания автора были еще более усугублены теми препятствиями, с которыми она столкнулась при получении необходимой ей информации о надлежащих возможностях оказания ей медицинской помощи от известных ей медицинских работников, которым она доверяла. Комитет отмечает, что Закон об информации об абортот ограничивает обстоятельства, в которых любое лицо может сообщать информацию о законном получении услуг по проведению абортот в Ирландии либо за рубежом, и предусматривает уголовное наказание за пропаганду или поощрение прерывания беременности. Комитет... принимает к сведению неопровергнутое заявление автора о том, что меди-

¹См. *К.Л. против Перу*, п. 6.4, *Л.М.Р. против Аргентины*, Соображения от 29 марта 2011 г., п. 9.3. См. также Замечание общего порядка Комитета № 28 (2000 год) о равноправии мужчин и женщин, п. 10.

²На время рассматриваемых событий положения Закона о преступлениях против личности предусматривали уголовное наказание в виде пожизненного тюремного заключения женщины или врача за попытку прерывания беременности.

цинские работники не предоставили в ее случае таких сведений и что она не получила от них важнейшей информации о применимых ограничениях в отношении проведения аборт за рубежом и о наиболее уместных способах прерывания беременности с учетом ее срока беременности, что помешало получению ею необходимой медицинской и консультативной помощи и усугубило ее страдания (п. 7.5 Соображения).

Автор утверждает, что, отказав ей в единственной возможности (прерывание беременности в Ирландии), которая обеспечивала бы соблюдение ее психической и психологической неприкосновенности и репродуктивной самостоятельности в обстоятельствах настоящего дела, государство произвольно нарушило ее право на неприкосновенность личной жизни, закрепленное ст. 17 Пакта. Комитет напоминает свой ранее принятый вывод о том, что под действие этого положения [ст. 17 Пакта] подпадает решение женщины просить о прерывании беременности¹. В настоящем случае государство-участник воспрепятствовало принятию автором решения не продолжать вынашивать нежизнеспособный плод. В данном случае вмешательство было основано на положениях ст. 40.3.3 Конституции и, таким образом, не являлось незаконным по внутреннему законодательству государства-участника. Однако Комитету предстоит решить вопрос о том, было ли такое вмешательство незаконным либо произвольным согласно положениям Пакта. Государство-участник указывает на отсутствие какой-либо произвольности в принятии решения, поскольку предпринятое вмешательство было соразмерно законным целям Пакта с учетом тщательно выверенного баланса между защитой плода и прав женщины (п. 7.7 Соображения).

Комитет считает необоснованным тот баланс, который в настоящем случае государство-участник пыталось установить между защитой плода и правами женщины... Комитет принимает к сведению, что в результате долгожданной беременности автор вынашивала нежизнеспособный плод; что открытые для нее возможности неизбежно становились источником жестоких страданий; что ее выезд за рубеж для прерывания беременности имел для нее значительные негативные последствия, о которых говорится выше и которых можно было бы избежать, если бы ей было позволено прервать беременность в Ирландии; и что вследствие этого ей был причинен вред в нарушение ст. 7. Исходя из этого, Комитет считает, что вмешательство в принятие автором решения об оптимальном способе прерывания своей беременности нежизнеспособным плодом носило необоснованный и произвольный характер в нарушение ст. 17 Пакта (п. 7.8 Соображения).

Автор утверждает, что криминализация абортов по признакам летальных пороков развития плода нарушала ее права на равенство и недискриминацию согласно п. 1 ст. 2, ст.ст. 3 и 26. Государство-участник отвергает эту жалобу и считает, что его правовой режим относительно прерывания беременности не является дискриминационным (п. 7.9 Соображения).

Комитет отмечает, что согласно правовому режиму государства-участника вынашивающие нежизнеспособный плод женщины, которые тем не менее решают донашивать его до полного срока

беременности, продолжают пользоваться полной защитой со стороны государственной системы здравоохранения. Их потребности в медицинской помощи по-прежнему покрываются медицинской страховкой, и они продолжают получать медицинские услуги и консультации со стороны работников государственных медицинских учреждений в течение всего периода беременности. После выкидыша или рождения мертвого ребенка они получают полную необходимую им постнатальную медицинскую помощь и психологическую поддержку. В отличие от них женщины, которые принимают решение о прерывании беременности нежизнеспособным плодом, обязаны полагаться на собственные финансовые средства для получения таких услуг полностью вне рамок государственной системы здравоохранения. Им отказывается в медицинском страховании получаемых с этой целью услуг; они вынуждены выезжать за границу за собственные средства для проведения аборта и нести связанные с такими поездками финансовые, психологические и физические нагрузки; и им отказано в получении медицинских услуг после прерывания беременности и в необходимой им психологической поддержке в связи с тяжелой утратой. Комитет принимает к сведению неоспоренные утверждения автора о том, что в интересах прерывания беременности нежизнеспособным плодом она была вынуждена выехать за рубеж, что повлекло за собой финансовые расходы, которые ей было трудно покрыть. Ей также пришлось вернуться в Дублин всего лишь через 12 часов после родов, поскольку ни она, ни ее муж более не могли позволить себе оставаться в Соединенном Королевстве (п. 7.10 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что криминализация государством-участником абортов сделала ее жертвой гендерного стереотипа репродуктивной роли женщин в первую очередь как матерей и что формирование о ней стереотипного представления как о репродуктивном инструменте стало причиной проявления в отношении нее дискриминации. Комитет считает, что дифференцированное обращение, которому была подвергнута автор по сравнению с другими находившимися в аналогичном положении женщинами, должным образом не учитывало ее медицинские потребности и социально-экономические обстоятельства и не удовлетворяло критериям разумности, объективности и законности целей. Соответственно, Комитет приходит к выводу о том, что не оказание государством-участником необходимых автору услуг явилось проявлением дискриминации и нарушением ее прав по ст. 26 Пакта (п. 7.11 Соображения).

Вывод Комитета. Представленные факты свидетельствуют о нарушении государством-участником прав автора по ст.ст. 7, 17 и 26 Пакта (п. 8 Соображения).

См. также нижеприведенные Соображения по делу Маарлон Джеймс Нобл против Австралии. Сообщение № 7/2012. Соображения приняты Комитетом по правам инвалидов 2 сентября 2016 г.

Вопросы административного выдворения

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *Д.Т. против Канады.* Сообщение № 2081/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 15 июля 2016 г.

¹См. *К.Л. против Перу*, п. 6.4, *Л.М.Р. против Аргентины*, Соображения от 29 марта 2011 г., п. 9.3. См. также Замечание общего порядка Комитета № 28 (2000 год) о равноправии мужчин и женщин, п. 10.

Тема сообщения: выдворение заявителя в Нигерию.

Вопрос существа: право на неприкосновенность частной жизни; защита семьи; защита детей.

Правовые позиции Комитета. Комитет также напоминает о своей правоприменительной практике, согласно которой возможны случаи, когда отказ государства-участника разрешить одному из членов семьи остаться на его территории будет связан с вмешательством в семейную жизнь этого лица. Однако один лишь тот факт, что определенные члены семьи имеют право оставаться на территории государства-участника, совсем не означает, что предъявляемые другим членам семьи требования покинуть его территорию, представляют собой подобное вмешательство¹ (п. 7.4 Соображения).

Комитет напоминает, что понятие “произвольности” включает в себя элементы неуместности, несправедливости, отсутствия предсказуемости и должной процедуры² наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности³. Комитет... отмечает, что в тех случаях, когда одна часть семьи должна покинуть территорию государства-участника, в то время как другая часть будет иметь право оставаться на этой территории, соответствующие критерии для оценки того, может ли быть объективно оправданным конкретное вмешательство в семейную жизнь, должны рассматриваться, с одной стороны, в свете значимости выдвигаемых государством-участником причин для высылки соответствующего лица и, с другой стороны, той серьезности положения, в котором в результате этой высылки окажется семья и ее члены⁴ (п. 7.6 Соображения).

Комитет напоминает о принципе, согласно которому во всех решениях, затрагивающих ребенка, наиболее важным соображением является обеспечение его наилучших интересов (п. 7.10 Соображения).

В том, что касается утверждения по ст. 24 [Пакта], Комитет считает, что принцип учета в качестве наиболее важного соображения обеспечения наилучших интересов ребенка образует составную часть права каждого ребенка на принятие в его отношении таких мер защиты, которые требуются в силу его положения как несовершеннолетнего лица, со стороны его семьи, общества и государства согласно требованиям п. 1 ст. 24 Пакта⁵ (п. 7.10 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает утверждение автора о том, что, учитывая состояние системы образования и здравоохранения в Нигерии, физическое и психическое здоровье ее сына будет серьезно подорвано в нарушение его прав, предусмотренных п. 1 ст. 24 Пакта, в случае, если он отправится с ней в Нигерию. Автор утверждала, что, если бы ее сыну, гражданину Канады, пришлось остаться в Канаде, он

был бы разлучен со своей матерью, единственным опекуном, и его права, предусмотренные ст. 17, п. 1 ст. 23 и п. 1 ст. 24 Пакта, были бы таким образом нарушены (п. 7.2 Соображения).

В отношении утверждения о нарушении ст. 17 и п. 1 ст. 23 [Пакта] Комитет отмечает приведенный государством-участником аргумент о том, что решение вопроса о том, уедет ли сын автора с ней в Нигерию или останется в [Канаде], в случае чего это приведет к разлучению ребенка и матери, будет приниматься только семьей, а не в результате действий государства (п. 7.4 Соображения).

В данном случае Комитет считает, что вопрос о депортации в отношении матери-одиночки семилетнего ребенка, который является гражданином государства-участника⁶, представляет собой вмешательство в семейную жизнь по смыслу ст. 17 Пакта. Комитет должен определить, является ли такое вмешательство в семейную жизнь автора произвольным или незаконным в соответствии с п. 1 ст. 17 Пакта и, следовательно, была ли государством предоставлена недостаточная защита для ее семьи в соответствии с п. 1 ст. 23 [Пакта] (п. 7.5 Соображения).

В данном случае Комитет отмечает, что высылка автора преследовала законную цель — выполнение иммиграционного законодательства. Кроме того, государство-участник пояснило, что основанием для высылки автора послужило отклонение ее ходатайства о получении защиты беженца, и это ходатайство не имеет такого правового статуса, который мог бы дать ей надежду рассчитывать на то, что она сможет остаться в Канаде, и что поэтому она обязана ходатайствовать о получении постоянного вида на жительство из-за пределов страны (п. 7.7 Соображения).

Комитет отмечает, что сын автора сообщения А. [сын Д.Т.] родился в Канаде в 2004 году и уехал из Нигерии с матерью в возрасте семи лет. А. страдает от ряда заболеваний, включая шум в сердце и врожденный порок развития мениска, в связи с чем ему была сделана операция в Канаде. В медицинских заключениях его педиатрического хирурга указано, что эта проблема также может отразиться на его левом колене, поскольку заболевание часто носит двусторонний характер и может привести к необходимости проведения в будущем одной или нескольких артроскопических хирургических операций. Комитет отмечает, что сын автора страдает от синдрома дефицита внимания с гиперактивностью (далее — СДВГ), в связи с чем ему был предписан ежедневный прием лекарств и был разработан междисциплинарный план действий в его школе в Канаде с участием специалистов в области специального образования (п. 7.8 Соображения).

Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что сердечное заболевание ребенка является доброкачественным и что необходимость проведения в будущем операции на его левом колене носит гипотетический характер. Кроме того, государство-участник считает, что автор не предприняла конкретных усилий по поиску необходимых медицинских и образовательных услуг, которые могли бы быть предоставлены для ее ребенка в Нигерии (п. 7.9 Соображения).

Комитет считает, что в данном случае государство-участник не учло в качестве наиболее важного соображения обеспечение наилучших интересов ребенка автора и что вследствие этого его вмешательство в семейную жизнь автора и последующая недостаточная защита, предостав-

¹См., например, сообщения № 1792/2008, *Дафин против Канады*, Соображения, принятые 28 июля 2009 г., п. 8.1; *Вината против Австралии*, п. 7.1; *Мадаффри против Австралии*, п. 9.7; а также сообщение № 1222/2003, *Бяхуранга против Дании*, Соображения, принятые 1 ноября 2004 г., п. 11.5.

²См., в частности, сообщение № 2009/2010, *Ильясов против Казахстана*, Соображения, принятые 23 июля 2014 г., п. 7.4.

³См. принятое Комитетом Замечание общего порядка № 35 (2014 год) о свободе и личной неприкосновенности, п. 12.

⁴См. *Мадаффри против Австралии*, п. 9.8.

⁵См. *Бахтияри против Австралии*, п. 9.7.

⁶См. *Мадаффри против Австралии*, п. 9.8.

ленная ее семье, вызвали чрезмерные трудности для автора и ее сына. Вынесение постановления о высылке автора поставило автора перед выбором: оставить своего семилетнего ребенка в Канаде или поставить его под угрозу отсутствия медицинской и образовательной поддержки, от которых он зависит. Комитету не было представлено никакой информации, указывающей на то, что ребенок может воспользоваться какой-либо альтернативной сетью поддержки взрослых в Канаде. В связи с этим вполне разумно было предположить, что автор заберет своего сына с собой обратно в Нигерию, в результате чего он будет лишен требуемой социально-образовательной поддержки. С учетом возраста и особых потребностей сына автора оба варианта, с которыми столкнулась семья, — сын, который остается один в Канаде, или возвращение автора в Нигерию — не могут рассматриваться в качестве отвечающих его наилучшим интересам. Тем не менее государство-участник надлежащим образом не объяснило, ни почему его законная цель обеспечить соблюдение своей иммиграционной политики, в том числе требование к автору направить ходатайство на получение постоянного вида на жительство за пределами Канады, должна быть важнее наилучших интересов ребенка автора, ни то, каким образом такая цель могла бы оправдать те трудности, с которыми столкнулась семья в результате решения о высылке автора. С учетом всех обстоятельств данного дела Комитет считает, что решение о высылке автора представляет собой несоразмерное вмешательство в семейную жизнь автора и ее сына, которое не может быть оправдано в свете приведенных государством-участником причин для высылки автора в Нигерию (п. 7.10 Соображения).

В том, что касается утверждения по ст. 24 [Пакта], Комитет считает, что принцип учета в качестве наиболее важного соображения обеспечения наилучших интересов ребенка образует составную часть права каждого ребенка на принятие в его отношении таких мер защиты, которые требуются в силу его положения как несовершеннолетнего лица, со стороны его семьи, общества и государства согласно требованиям п. 1 ст. 24 Пакта¹. В свете своих выводов по ст. 17 и п. 1 ст. 23 Комитет считает, что вынесенное в отношении автора решение о высылке автора нарушило ст. 24 [Пакта], поскольку при этом для А. не было обеспечено необходимых мер, на которые он имеет право в качестве ребенка со стороны государства-участника (п. 7.12 Соображения).

Вывод Комитета. Депортация автора в Нигерию представляла собой нарушение ее прав, предусмотренных ст. 17, рассматриваемой отдельно и в совокупности с п. 1 ст. 23 Пакта, в отношении автора и ее сына, и, кроме того, п. 1 ст. 24 Пакта в отношении А. (п. 8 Соображения).

Сообщение: 3. *против Дании.* Сообщение № 2422/2014. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 11 марта 2016 г.

Тема сообщения: выдворение в Армению.

Вопрос существа: невыдворение; статус беженца; пытки.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению замечания государства-участника о том, что Апелляционная комиссия по делам беженцев сочла неправдоподобным утверждение о том, что автору будет угрожать опасность жестокого обращения в случае его

возвращения в Армению. Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что он представил подробные, последовательные и убедительные ответы на вопросы, поднятые национальными иммиграционными властями, и что решение Комиссии было произвольным и ошибочным. В частности, Комитет принимает к сведению аргументы автора о том, что Комиссия неубедительно обосновала свой вывод о неправдоподобности следующих заявлений автора: что он жил в Беларуси; что он смог установить местонахождение своей матери в Азербайджане по адресу, указанному в письме, которое она направила ему в детский дом; что он провел два года, не выходя из дома матери; что Х. и А. смогли раздобыть военный грузовик после перехода границы с Азербайджаном; и что автор смог перейти через мост в Азербайджан после бегства из армии, и при этом его никто не преследовал. В то же время Комитет считает, что, хотя автор не согласен с выводами Комиссии по этим вопросам, он не продемонстрировал, что ее выводы были явно необоснованными или носили произвольный характер по причине того, что в ходе рассмотрения дела на национальном уровне утверждения автора были уделено недостаточное внимание. Кроме того, что касается утверждения автора о том, что он подвергался преследованиям, надругательствам и оскорблениям в армии из-за своего наполовину азербайджанского происхождения, Комитет отмечает, что автор не ответил на замечания государства-участника относительно наличия противоречий в представленных им национальным органам власти показаниях относительно предполагаемого покушения на изнасилование его брата военнослужащими² и того факта, что во время беседы с сотрудниками Иммиграционной службы Дании он не упоминал о состязаниях, в ходе которых они с братом подвергались издевательствам и оскорблениям со стороны военнослужащих по причине их этнической принадлежности³. Поэтому на основе имеющейся в его распоряжении информации Комитет не может сделать вывод о том, что существуют серьезные основания полагать, что автору будет угрожать реальная опасность причинения непоправимого вреда, такого, как предусмотренный в ст.ст. 6 и 7 Пакта, в случае его возвращения в Армению (п. 7.3 Соображения).

Вывод Комитета. Высылка автора в Армению не будет представлять собой нарушения его прав, предусмотренных ст. 7 Пакта (п. 8 Соображения).

Комитет против пыток⁴

Сообщение: Р.М. *против Швеции.* Сообщение № 610/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее — Комитет) 30 ноября 2016 г.

Тема сообщения: выдворение заявителя в Бангладеш.

Вопрос существа: предотвращение принудительно-го возвращения; предупреждение пыток.

²См. п. 4.5 выше.

³См. п. 4.4 выше.

⁴Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства — продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

¹См. *Бахтияри против Австралии*, п. 9.7.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что в случае депортации в Бангладеш он рискует подвергнуться обращению, противоречащему ст. 3 Конвенции, со стороны членов партии “Авами лиг” и сотрудников местной правоохранительной структуры. Однако Комитет отмечает, что объем представленного заявителем сообщения составляет всего полстраницы и что в нем нет никакой подробной информации ни о его политической деятельности в Бангладеш, ни о вынесенном ему ранее обвинительном приговоре от 24 ноября 2005 г. за применение пыток и изнасилование, ни о том, почему упомянутая правоохранительная структура проявляла к нему интерес. Содержание всех представленных заявителем документов, а именно писем представителя Националистической партии Бангладеш, отца заявителя, его адвоката и председателя Национальной комиссии по правам человека, ограничивается утверждением о том, что заявителю грозит опасность из-за его политической принадлежности, без разъяснения его роли в рядах Националистической партии Бангладеш или его предшествующей политической деятельности. С учетом вышеизложенного Комитет отмечает, в частности, что заявитель, несмотря на утверждения о его политическом преследовании в Бангладеш, обратился в консульство Бангладеш в Швеции и получил паспорт, не сообщая о каких-либо проблемах. Комитет также отмечает, что в деле нет ни одного доказательства утверждений заявителя о том, что он ранее подвергался пыткам. По этому аспекту заявитель не привел ни сроков, ни подробностей, ни подтверждающих документов. Исходя из представленных ему материалов, Комитет не в состоянии определить, подвергался ли заявитель в прошлом какому-либо преследованию или жестокому обращению или будет ли ему грозить персональная опасность применения пыток в случае его возвращения в Бангладеш. Учитывая вышеизложенное, Комитет приходит к выводу, что заявителю не удалось в достаточной степени обосновать свои утверждения для целей приемлемости (п. 6.3 Решения).

Вывод Комитета. Сообщение считать неприемлемым в соответствии с п. 2 ст. 22 Конвенции (п. 7 Решения).

Сообщение: *А. против Канады.* Сообщение № 583/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее — Комитет) 9 мая 2016 г.

Тема сообщения: выдворение заявителя в Индию.

Вопрос существа: произвольное задержание; дискриминация; недопустимость принудительного возвращения; статус беженца; право на жизнь; пытки.

Правовые позиции Комитета. [В] связи с утверждением заявителя по ст. 3 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.]¹ Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что заявителю будет угрожать опасность применения пыток в случае его возвращения в Индию. При оценке такой опасности Комитет должен принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства согласно п. 2 ст. 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Комитет напоминает, что целью... оценки является определение того, будет

ли лично данному лицу угрожать предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, возвращению в которую оно подлежит². Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточной причиной полагать, что тому или иному конкретному лицу будет угрожать опасность применения пыток по возвращении в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания в подтверждение того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу. И наоборот, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что то или иное лицо в тех или иных конкретных обстоятельствах не может быть подвергнуто пыткам (п. 7.2 Решения).

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 1 (1997) об осуществлении ст. 3 Конвенции в контексте ст. 22 (возвращение и сообщения), согласно которому при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий “высокой степени вероятности”, Комитет отмечает, что бремя доказывания, как правило, лежит на заявителе, который должен представить убедительные аргументы, доказывающие, что ему грозит “предсказуемая, реальная и личная” опасность³. Комитет... напоминает, что согласно его [3]амечанию общего порядка № 1 он в значительной степени опирается на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника, но при этом Комитет не считает себя связанным такими заключениями и исходит из того, что в соответствии с п. 4 ст. 22 Конвенции он правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу⁴ (п. 7.3 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. [П]ри оценке риска применения пыток... Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о наличии предсказуемой, реальной и личной опасности того, что он будет подвергнут пыткам и, возможно, убит в случае возвращения в Индию, поскольку власти в Пенджабе подозревают его в оказании содействия боевикам и планировании вместе с двоюродным братом убийства руководителей. Комитет отмечает, что заявитель не представил достаточно подробную информацию в обоснование этих утверждений. Например, он не представил сведений о конкретных действиях, в причастности к которым полиция его подозревает, или о лицах, с которыми, согласно подозрениям, он был заодно при осуществлении этих действий. Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что его национальные органы пришли к выводу, что заявитель не внушает доверия, поскольку, в частности, он в течение трех лет готовился к выезду из Индии и его действия свидетельствуют о намерении продолжить учебу в Канаде: в 2008 году он получил паспорт; в 2009 году он по-

²См., в частности, сообщение № 470/2011, *Х. против Швейцарии*, Решение, принятое 24 ноября 2014 г., п. 7.2.

³См., в частности, сообщения № 203/2002, *А.Р. против Нидерландов*, Решение, принятое 14 ноября 2003 г., и сообщение № 258/2004, *Дадар против Канады*, Решение, принятое 23 ноября 2005 г.

⁴См., в частности, сообщение № 356/2008, *Н.С. против Швейцарии*, Решение от 6 мая 2010 г., п. 7.3.

¹Далее — Конвенция.

сещал различные курсы английского языка; он подал заявление на канадскую студенческую визу после зачисления в университет на курс по специальности “Менеджмент и медицинские технологии”; он никогда не утверждал, что был связан с каким-либо политическим или радикальным движением; и ему удалось без труда выехать из Индии по действительному паспорту с канадской студенческой визой, несмотря на то, что полиция якобы подозревала его в намерении убить одного руководителя (п. 7.4 Решения).

Комитет принимает к сведению документацию, представленную заявителем в обоснование утверждения о том, что он подвергался пыткам. Вместе с тем Комитет отмечает, что компетентные органы государства-участника тщательно оценили доказательства, представленные заявителем, и признали их ограниченную доказательную ценность в силу их содержания и времени их появления¹. Кроме того, Комитет отмечает, что заявитель не представил каких-либо документальных доказательств того, что против него возбуждено какое-либо уголовное дело или что индийские власти выдали ордер на его арест². Комитет полагает, что власти государства-участника надлежащим образом изучили основные аспекты утверждений заявителя, прежде чем вынести отрицательное заключение относительно его правдивости. Поэтому Комитет не считает убедительным утверждение заявителя о том, что, несмотря на то, что он уехал из Индии в январе 2010 г., власти в Пенджабе продолжают преследовать и допрашивать членов его семьи в целях установления его местонахождения (п. 7.5 Решения).

Выводы Комитета. Заявитель не представил достаточных доказательств, позволяющих Комитету сделать вывод о том, что в случае его принудительной высылки в Индию он подвергнется предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток по смыслу ст. 3 Конвенции (п. 8 Решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Решение Европейского Суда по правам человека³ по жалобе № 25923/15 “А.Р. против России” (вынесено и вступило в силу 10 мая 2016 г.), которым отклонены жалобы заявителя на нарушения ст.ст. 3, 8 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.⁴ в связи с объявлением ему официального предостережения ФСБ России о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступления, и аннулированием разрешения на его временное проживание в Российской Федерации, что, по мнению заявителя, создавало для него угрозу разлучения с семьей в результате принудительного перемещения в Республику Таджикистан, где для него существовала угроза пыток.

Заявитель утверждал, что предостережение ФСБ России в отношении него в контексте аннулирования его разрешения на проживание и отклонения других оснований для его пребывания в Российской Федерации создало ситуацию, в которой он неотвратимо подлежал выдворению в Таджикистан, где для него существовала угроза обращения, нарушающего положения ст. 3 Конвенции. Кроме того, обстоятельства дела влекли или могли повлечь за собой нарушение ст. 8

Конвенции. Наконец, заявитель также утверждал, что в обстоятельствах дела он не располагал какими-либо эффективными средствами правовой защиты.

Европейский Суд принял во внимание довод Властей о том, что “...заявитель мог открыто требовать судебного пересмотра решения об аннулировании его разрешения на временное проживание” (п. 56 Решения).

Суд отметил, что “...решение об аннулировании разрешения заявителя на проживание содержало четкое и однозначное требование покинуть Российскую Федерацию, в противном случае он будет депортирован; отказ в удовлетворении его ходатайства о предоставлении статуса беженца также предусматривал, что он должен покинуть Российскую Федерацию... вышеизложенное не обязательно подразумевает, что выдворение заявителя неизбежно и вытекает из обстоятельств дела. Согласно российскому законодательству решение, требующее выдворения иностранного гражданина из страны, принимается до того, как такой иностранный гражданин может быть выдворен, например постановление об экстрадиции, решение, предусматривающее наказание в форме административного выдворения за административное правонарушение, или решение о нежелательности пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина и его депортации... и любое подобное постановление о выдворении... может быть обжаловано. В отсутствие какого-либо из таких решений по общему правилу нельзя говорить, что заявитель является “жертвой” потенциального нарушения статьи 3 Конвенции, как в настоящем деле, ввиду риска жестокого обращения в Таджикистане” (п. 57 Решения).

Европейский Суд подчеркнул, что ему не были представлены “...какие-либо доказательства того, что таджикские власти предпринимали какие-либо действия с целью возвращения заявителя в Таджикистан (например, запрос об экстрадиции или постановление об установлении слежки за заявителем), или что российские власти сообщали таджикским властям о своих подозрениях в отношении заявителя” (п. 59 Решения).

Суд заключил, что “...признаки, позволяющие сделать вывод или допустить, что таджикские власти имеют или, вероятно, могут иметь “негативную заинтересованность” в заявителе, и что заявитель подвергается риску или страдает вследствие “замаскированной экстрадиции”, отсутствуют... [Ж]алоба заявителя в соответствии со ст. 3 Конвенции в настоящее время лишена оснований. Следовательно, в настоящее время в данной части жалоба является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подп. “а” п. 3 и п. 4 ст. 35 Конвенции” (пп. 59–60 Решения).

В отношении нарушений ст.ст. 8 и 13 Конвенции Суд установил, что “...в отсутствие постановления об административном выдворении доводы заявителя относительно будущих негативных последствий для его “семейной жизни”, вытекающие из его выдворения с территории Российской Федерации, были и остаются спекулятивными. Следовательно, в настоящее время в данной части жалоба является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подп. “а” п. 3 и п. 4 ст. 35 Конвенции” (п. 63 Решения).

Суд пришел к выводу, что “...национальные власти допустили продолжение пребывания заявителя в стране в период различных административных и судебных разбирательств с его участием после аннулирования его разрешения на проживание, а затем также в соответствии с указанием Суда, содержащимся в правиле 39 Регламента Суда. Соответственно, данная часть жалобы, в том виде, в котором она была представлена Суду, является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом “а” пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции” (п. 64 Решения).

¹ См. п. 4.5 выше.

² См., в частности, сообщение № 555/2013, 3. *против Дани*, Решение, принятое 10 августа 2015 г., п. 7.7.

³ Далее также — Европейский Суд, Суд.

⁴ Далее — Конвенция.

См. также нижеприведенные постановления Европейского Суда по жалобам № 58923/14 “Холмуродов против России” (вынесено 1 марта 2016 г., вступило в силу 4 июля 2016 г.) и № 14348/15 “У.Н. против России” (вынесено 26 июля 2016 г., вступило в силу 28 ноября 2016 г.).

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Запрет пыток

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *Каюм Ортиков против Узбекистана*. Сообщение № 2317/2013. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 26 октября 2016 г.

Тема сообщения: право не подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению; произвольные аресты и задержания; справедливое судебное разбирательство; право на эффективные средства правовой защиты.

Вопрос существа: пытки; пытки — оперативное и беспристрастное расследование; произвольный арест — содержание под стражей; эффективные средства правовой защиты; справедливое судебное разбирательство; справедливое судебное разбирательство — правовая помощь; справедливое судебное разбирательство — право на рассмотрение дела в присутствии обвиняемого.

Правовые позиции Комитета. Лица, лишённые свободы, не могут подвергаться каким-либо лишениям или тяготам помимо тех, которые являются результатом лишения свободы, и что обращение с ними должно быть гуманным и обеспечивающим уважение их достоинства¹. Он также отмечает, что содержание под стражей без связи с внешним миром несовместимо с обязательством обращаться с заключёнными гуманно и с уважением их достоинства² (п. 10.4 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждение автора о пытках в полицейском следственном изоляторе № 64/1 в Ташкенте с февраля по август 2009 г. Комитет принимает к сведению замечания государства-участника о том, что после жалобы брата автора от 8 мая 2009 г. Главное управление по вопросам исполнения наказаний провело расследование, однако не обнаружило каких-либо доказательств якобы имевшего место жестокого обращения. Он также отмечает, что в медицинских документах, представленных автором, отмечаются различные увечья, но не указываются их причина и происхождение. Вместе с тем Комитет также отмечает, что государство-участник не представило конкретную информацию о расследовании, проведенном Главным управлением по исполнению наказаний. Оно также не представило Комитету никаких документов в подтверждение своих заявлений о состоянии здоровья автора в момент его перевода в тюрьму и выхода из нее. Комитет также отмечает, что автор был подвергнут продолжительному со-

держанию под стражей без связи с внешним миром (почти три месяца), что является фактом, которое государство-участник не оспаривает, и само по себе может представлять одну из форм пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, особенно в тех случаях, когда период такого содержания под стражей без связи с внешним миром не установлен органами правопорядка и является, по сути, бессрочным³. Он... отмечает, что родственники автора направили по крайней мере 12 жалоб (прилагаются к первоначальному представлению) по поводу обращения с автором во время содержания под стражей в различные государственные органы, в том числе в Генеральную прокуратуру, Управление внутренних дел города Ташкента, Службу национальной безопасности и Верховный суд, однако заявителям не было предоставлено никакой информации о каких-либо следственных мерах, принятых властями в связи с этими жалобами. В свете вышеизложенного, принимая во внимание детальное описание фактов в утверждениях автора о многочисленных актах пыток, которым он был подвергнут в следственном изоляторе № 64/1, а также неспособность государства-участника опровергнуть эти утверждения с помощью надлежащих документальных доказательств и учитывая конкретный контекст длительного содержания автора под стражей в СИЗО в нарушение требований национального законодательства, что не получило разъяснения со стороны государства-участника, а также то, что государство-участник не провело эффективного расследования утверждений автора о применении пыток, Комитет приходит к выводу о нарушении прав автора по ст. 7 Пакта, рассматриваемых отдельно и в совокупности с п. 3 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах⁴ (п. 10.2 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о нарушении его прав по ст. 9 Пакта, так как он содержался в следственном изоляторе полиции с 8 февраля 2009 г. по 7 сентября 2009 г., тогда как согласно ст. 54 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан осужденный должен быть переведен из следственного изолятора в тюрьму не позднее чем через 10 дней после получения СИЗО окончательного судебного приговора. Не получив от государства-участника никаких разъяснений относительно этого утверждения, Комитет приходит к выводу о том, что содержание автора под стражей в СИЗО № 64/1 представляло собой нарушение установленной законом процедуры. Поэтому Комитет приходит к выводу о нарушении прав автора по п. 1 ст. 9 Пакта (п. 10.3 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о его продолжительном содержании без связи с внешним миром в следственном изоляторе № 64/1 с 8 февраля 2009 г., а также отмечает, что его адвокату было разрешено посетить его в первый раз 4 мая 2009 г. и что его жена встретила с ним лишь 8 октября 2009 г. после его перевода в тюрьму. Государство-участник не опровергло это утверждение автора, однако заявило, что автор отказался от свиданий со своими родст-

¹См. Замечание общего порядка № 21 (1992 год) о праве лиц, лишённых свободы, на гуманное обращение, пп. 3—4; и Сообщения № 1780/2008, *Зарзи против Алжира*, Соображения, принятые 22 марта 2011 г., п. 7.8, и № 1753/2008, *Гезут и Ракик против Алжира*, Соображения, принятые 19 июля 2012 г., п. 8.8.

²См. Сообщение № 1781/2008, *Берзиг против Алжира*, Соображения, принятые 31 октября 2011 г., п. 8.8.

³См. сообщения № 992/2001, *Бусруаль против Алжира*, Соображения, принятые 30 марта 2006 г., п. 9.8, и № 2297/2013, *Шани против Алжира*, Соображения, принятые 11 марта 2016 г., п. 7.3.

⁴См. Замечание общего порядка Комитета № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, п. 11.

венниками. С учетом сделанного ранее вывода об отсутствии надлежащей реакции со стороны государства-участника на утверждения о том, что права автора по ст. 7 Пакта были нарушены, Комитет не считает высокой доказательственную силу якобы имевшего место отказа автора от свиданий с родственниками. Он также отмечает, что государство-участник не утверждало, что автор отказался встречаться со своим адвокатом... В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что продолжительное содержание автора под стражей без связи с внешним миром также является нарушением его прав по п. 1 ст. 10 Пакта (п. 10.4 Соображения).

Выводы Комитета. Представленная информация свидетельствует о нарушении государством-участником прав автора по ст. 7, рассматриваемой отдельно и в сочетании с п. 3 ст. 2, п. 1 ст. 9 и п. 1 ст. 10 Пакта (п. 11 Соображения).

Сообщение: *Жахангир Базаров против Кыргызстана.* Сообщение № 2187/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 21 октября 2016 г.

Тема сообщения: пытки и жестокое обращение в период содержания под стражей; несправедливое судебное разбирательство.

Вопрос существа: пытки; справедливое судебное разбирательство — правовая помощь; произвольный арест — произвольное содержание под стражей; дискриминация по признаку этнического происхождения.

Правовые позиции Комитета. [П]о поводу обязательства государства-участника надлежащим образом расследовать утверждения автора о пытках Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой уголовное расследование и последующее привлечение к ответственности представляют собой необходимые средства восстановления нарушенных прав человека, таких как права, защищаемые ст. 7 Пакта¹ (п. 6.3 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает во внимание утверждения автора о том, что в ряде случаев он был подвергнут пыткам и другим видам жестокого обращения. Комитет отмечает, что автор сообщил о пытках как Ошскому областному суду, так и Верховному суду Кыргызстана. Он также принимает к сведению признание государства-участника о том, что автор заявил о применении к нему пыток. Вместо проведения быстрого и беспристрастного расследования компетентными органами² государство-участник объясняет жалобы автора его желанием избежать наказания за преступное поведение. Комитет также отмечает, что автор и его адвокаты представили судам фотографии со следами пыток, результаты медицинского обследования, подтверждающие признаки пыток, а также показания свидетелей. Комитет считает, что в обстоятельствах данного дела и, в частности, в свете того, что государство-участник не дало объяснений по поводу заметных следов жестокого обращения, которые неоднократно видели свидетели, утверждения автора следует придавать соответствующий вес (п. 6.2 Соображения).

¹См. Замечания общего порядка Комитета № 20, п. 14, и № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства — участники Пакта, п. 18.

²См. Замечание общего порядка Комитета № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, п. 14.

Комитет отмечает, что согласно материалам дела не было проведено расследования утверждений о пытках, несмотря на ряд инкриминирующих показаний свидетелей. Исходя из обстоятельств данного дела, Комитет заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по статье 7 Пакта при рассмотрении ее отдельно, а также совместно с п. 3 ст. 2 [Пакта] (п. 6.3 Соображения).

Комитет... принимает к сведению заявления автора по п. 1 ст. 9 [Пакта] о том, что он был произвольно задержан с 19 июля по 24 июля 2010 г., когда вопрос о его содержании под стражей был рассмотрен Ошским городским судом. Автор утверждает, что государство-участник подвергло его произвольному задержанию до 24 июля 2010 г., с тем чтобы дать возможность сотрудникам милиции применить к нему пытки. Государство-участник утверждает, что автор был задержан только 24 июля 2010 г. [А]втор утверждает, что в течение нескольких дней его произвольного содержания под стражей его пытали несколько сотрудников милиции, принуждая его к даче признательных показаний. По утверждению автора, эти признательные показания были приняты за основу вынесенного 27 августа 2010 г. обвинительного приговора на нарушение его прав согласно подп. “g” п. 3 ст. 14 [Пакта]. Принимая во внимание выводы Комитета относительно нарушений ст. 7 и неспособность или нежелание государства-участника расследовать утверждения автора о пытках и неопровергнутый факт использования полученных под принуждением признательных показаний автора в качестве доказательства и основы вынесенного ему обвинительного приговора, Комитет считает, что также были нарушены права автора в соответствии с п. 1 ст. 9 и подп. “g” п. 3 ст. 14 Пакта (п. 6.4 Соображения).

Вывод Комитета. Представленные факты свидетельствуют о нарушении прав автора по ст. 7 при рассмотрении ее отдельно, а также совместно с п. 3 ст. 2, п. 1 ст. 9 и подп. “g” п. 3 ст. 14 Пакта (п. 7 Соображения).

Сообщение: *Медждуб Шани против Алжира.* Сообщение № 2297/2013. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 11 марта 2016 г.

Тема сообщения: применение пыток и произвольное содержание под стражей.

Вопрос существа: пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение; произвольное содержание под стражей; свобода передвижения; равные возможности и справедливое судебное разбирательство; лишение защиты закона.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает³, что бремя доказывания... утверждений лежит не только на авторе сообщения, тем более что автор и государство-участник не всегда имеют одинаковый доступ к элементам доказательств и что зачастую лишь государство-участник располагает необходимыми сведе-

³Сообщения № 146/1983, *Баберам Адхин и др. против Суринама*, Соображения, принятые 4 апреля 1985 г., п. 14.2; № 139/1983, *Контерис против Уругвая*, Соображения, принятые 17 июля 1985 г., п. 7.2; № 202/1986, *Грасиэла Ато дель Авельянал против Перу*, Соображения, принятые 28 октября 1988 г., п. 9.2; № 30/1978, *Блейер против Уругвая*, Соображения, принятые 29 марта 1982 г., п. 13.3; № 107/1981, *Мария дель Кармен Альмейда де Кинтерос против Уругвая*, Соображения, принятые 21 июля 1983 г., п. 11; № 992/2001, *Бусруаль против Алжира*, Соображения, принятые 30 марта 2006 г., п. 9.4.

ниями. Как это косвенно вытекает из п. 2 ст. 4 Факультативного протокола, государство-участник обязано провести добросовестное расследование всех утверждений о нарушении Пакта, выдвигаемых против него и его представителей, и передать Комитету сведения, которыми оно располагает. В тех случаях, когда автор представляет государству-участнику утверждения, которые подкреплены достоверными доказательствами и дальнейшее уточнение которых зависит от информации, имеющейся исключительно у государства-участника, Комитет может признать утверждения автора обоснованными, если государство-участник их не опровергнет, представив удовлетворительные разъяснения или доказательства (п. 7.2 Соображения).

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, в котором он рекомендует государствам-участникам принять меры в целях запрещения содержания под стражей в режиме строгой изоляции (п. 7.3 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принял к сведению жалобы автора согласно ст. 7 Пакта. Комитет признает степень страданий, причиненных содержанием под стражей без связи с внешним миром в течение определенного периода времени... [Комитет] отмечает, что автор содержался под стражей в режиме строгой изоляции 20 дней и в течение этого времени был лишен возможности связаться со своей семьей, врачом или адвокатом. Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что он подвергался пыткам во время своего содержания под стражей в режиме строгой изоляции в период с 17 сентября по 6 октября 2009 г. Он отмечает утверждения автора о том, что сотрудники Департамента разведки и безопасности по пять-шесть раз в день подвергали его допросам, в ходе которых ему систематически давали пощечины, пинали ногами, наносили удары кулаками, плевали в лицо и подвергали удушению; и что они неоднократно заставляли его раздеваться и мочились на него, когда он просил принять душ. Комитет отмечает, что государство-участник ограничилось отрицанием этих утверждений, сославшись на то, что они исходят только от автора, хотя в протоколе допроса обвиняемого по тому же делу, который следователь проводил 18 ноября 2009 г., зафиксированы аналогичные утверждения. Комитет... отмечает, что автор заявлял об актах пыток, которым он неоднократно подвергался в ходе разбирательства. В отсутствие расследования этих утверждений или убедительных доказательств, помимо медицинской справки, которая не позволяет говорить о проведении тщательного медицинского осмотра по истечении срока содержания под стражей и доказательная сила которой была поставлена автором под вопрос, Комитет приходит к выводу о нарушении государством-участником ст. 7 [Пакта], рассматриваемой отдельно и в совокупности с п. 3 ст. 2 Пакта (п. 7.3 Соображения).

В отношении ст. 9 [Пакта] Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что он был арестован 17 сентября 2009 г. и содержался под стражей в режиме строгой изоляции и без связи с внешним миром, и в частности без контакта с адвокатом или членами своей семьи, и что его содержание под стражей в неизвестном месте проходило без контроля со стороны прокурату-

ры, о чем свидетельствует отсутствие каких-либо действий со стороны прокурора до 6 октября 2009 г. — даты окончания срока его содержания под стражей. Комитет отмечает, что, по словам автора, в материалах дела не содержатся ни основания для заключения под стражу, ни разрешение прокурора на заключение под стражу, ни разрешение прокурора на продление содержания под стражей, что свидетельствует о произвольном аресте и заключении под стражу автора. Комитет также отмечает отсутствие расследования государством-участником предполагаемого произвольного ареста и содержания автора под стражей в режиме строгой изоляции, несмотря на жалобы, поданные автором. Комитет считает, что в связи с непредставлением государством-участником каких-либо разъяснений по поводу отсутствия в судебном деле материалов, касающихся точной даты ареста автора, оснований для его ареста и законности его заключения под стражу, и в связи с непроведением расследования по этим утверждениям государство-участник нарушило ст. 9 [Пакта], рассматриваемую отдельно и в совокупности с п. 3 ст. 2 Пакта (п. 7.5 Соображения).

Вывод Комитета. Представленные факты свидетельствуют о нарушении ст.ст. 7 и 9 Пакта, рассматриваемых отдельно и в совокупности с п. 3 ст. 2 Пакта (п. 8 Соображения).

Право на свободу и личную неприкосновенность

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: Вячеслав Бережной против Российской Федерации. Сообщение № 2107/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 28 октября 2016 г.

Тема сообщения: незаконное содержание под стражей несовершеннолетнего и несправедливое судебное разбирательство.

Вопрос существа: правосудие в отношении несовершеннолетних; опекун/опека; справедливое судебное разбирательство — юридическая помощь, справедливое судебное разбирательство — неоправданная задержка, принуждение к даче показаний.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что в соответствии с п. 3 ст. 9 Пакта каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо “в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть”. Комитет напоминает, что, хотя точное значение слов “в срочном порядке” может различаться в зависимости от фактических обстоятельств, задержка не должна превышать нескольких дней с момента ареста. По мнению Комитета, 48 часов обычно достаточно для транспортировки лица и подготовки к судебному заседанию; любая задержка сверх 48 часов должна носить исключительный характер и оправдываться конкретными обстоятельствами¹. Особо строгий стандарт срочности, такой как 24 часа, следует применять в отношении несовершеннолетних² (п. 9.2 Соображения).

Комитет напоминает, что согласно п. 4 ст. 9 Пакта и его давним решениям помещенному под стражу лицу принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог вынести

¹См. Замечание общего порядка № 35 (2014) о праве на свободу и личную неприкосновенность, п. 33.

²Там же.

постановление относительно законности его задержания. При отсутствии законных оснований для дальнейшего содержания под стражей судья должен принять решение об освобождении¹ (п. 9.3 Соображения).

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 17 (1989) о правах ребенка, [3]амечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство и на свои решения, в которых говорится, что обвиняемые несовершеннолетние лица имеют право как можно скорее предстать перед судом в рамках справедливого разбирательства. Подпункт “b” п. 2 ст. 10 [Пакта] усиливает для несовершеннолетних требования п. 3 ст. 9 [Пакта] в отношении скорейшего предания суду задержанных до суда лиц² (п. 9.4 Соображения).

Комитет напоминает, что в подп. “b” п. 3 ст. 14 [Пакта] предусматривается, что обвиняемые лица должны иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с wybranными ими самими защитниками. Это положение является важным элементом гарантии справедливого судебного разбирательства и применения принципа равенства состязательных возможностей³ (п. 9.5 Соображения).

Что касается утверждений автора о том, что его права по п. 4 ст. 14 [Пакта] были нарушены, Комитет ссылается на ст. 24 Пакта и указывает, что в уголовном судопроизводстве несовершеннолетние нуждаются в специальной защите⁴ (п. 9.7 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению неопровергнутые утверждения автора о том, что он был задержан 16 февраля 1995 г., официально помещен под стражу до суда 18 февраля 1995 г. в соответствии с постановлением прокурора, однако был доставлен к судье лишь через несколько месяцев — в день начала судебного разбирательства. Комитет напоминает, что обязательным элементом надлежащего исполнения судебной власти является проведение разбирательства по соответствующему делу независимым, объективным и беспристрастным судом и что прокурор не может рассматриваться в качестве должностного лица, уполномоченного осуществлять судебную власть по смыслу п. 3 ст. 9 Пакта⁵. Исходя из этого, Комитет приходит к выводу, что вышеуказанные факты свидетельствуют о нарушении прав автора по п. 3 ст. 9 Пакта (п. 9.2 Соображения).

Комитет отмечает не получившие опровержения утверждения автора о том, что он незаконно содержался под стражей с 18 мая 1995 г. до начала судебных слушаний 5 марта 1996 г. Комитет также отмечает, что государство-участник не представило никакой информации относительно местонахождения автора в течение этого времени... В данном случае автор не только не был доставлен к судье для вынесения первоначального постановления о заключении под стражу, но и не имел возможности принять участие в разбирательстве его дела в суде с целью оспорить законность своего содержания под стражей, что явля-

ется прямым нарушением положений п. 4 ст. 9 Пакта. В этой связи Комитет приходит к выводу, что противозаконное заключение автора под стражу нарушило его права по п. 4 ст. 9 Пакта. С учетом этого вывода Комитет принимает решение не рассматривать жалобы автора по пп. 1 и 2 ст. 9 Пакта отдельно (п. 9.3 Соображения).

Комитет отмечает, что автор был арестован 16 февраля 1995 г. и что его дело не было рассмотрено до 25 марта 1996 г. Комитет также отмечает, что согласно информации государства-участника уголовное расследование было завершено и дело было передано в Красноармейский городской суд 27 апреля 1995 г., т.е. почти за год до вынесения окончательного судебного решения. В отсутствие каких-либо соответствующих разъяснений со стороны государства-участника в отношении этой значительной задержки в рассмотрении дела, касающегося содержащегося под стражей несовершеннолетнего, Комитет считает, что права автора на оперативное судебное разбирательство в соответствии с подп. “b” п. 2 ст. 10 [Пакта] были нарушены. После вывода о нарушении прав автора на вынесение в кратчайший срок судебного решения, как это предусмотрено в подп. “b” п. 2 ст. 10 Пакта, и по тем же причинам, которые указаны выше, Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по подп. “c” п. 3 ст. 14 Пакта (п. 9.4 Соображения).

Что касается права иметь адвоката, то Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что он просил встретиться со своей матерью, с тем чтобы она помогла ему выбрать адвоката. Комитет также отмечает, что мать автора, которая, учитывая возраст автора, могла сыграть важную роль в нахождении ему адвоката, была назначена в качестве его законного представителя лишь 8 апреля 1995 г., когда следствие было почти завершено... Учитывая возраст автора на тот момент и его уязвимость, Комитет считает, что автору не было предоставлено достаточного времени и возможностей для подготовки своей защиты или общения с выбранным им самим защитником и что его права согласно подп. “b” п. 3 ст. 14 Пакта были тем самым нарушены (п. 9.5 Соображения).

Комитет уже подчеркивал важность оказания надлежащей помощи несовершеннолетним в ходе уголовного разбирательства, в том числе через их родителей или законных опекунов⁶. Комитет принимает к сведению замечание государства-участника о том, что родители автора были проинформированы “устно” во время его ареста, но при этом отмечает, что мать автора была назначена в качестве его законного представителя лишь 8 апреля 1995 г., т.е. почти через два месяца после его ареста⁷. Комитет считает, что в данном случае, учитывая возраст автора на тот момент, ставящий его в уязвимое положение, беспрепятственный доступ к его родителям или законному

⁶Там же. См. также сообщение № 1390/2005, *Кореба против Беларуси*, Соображения, принятые 25 октября 2010 г., п. 7.4.

⁷См. Комитет по правам ребенка, Замечание общего порядка № 10 (2007) о правах детей в рамках отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, в котором Комитет подчеркивает важность информирования ребенка и его родителей или законных опекунов в отношении уголовного судопроизводства (п. 48) и предоставления ребенку, который подвергается допросу, доступа к адвокату или иному соответствующему представителю и возможности требовать присутствия своего родителя(ей) в ходе допроса (п. 58).

¹Там же, п. 36.

²Там же, п. 59.

³См. Замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, п. 32.

⁴Там же, п. 42.

⁵Там же, п. 32.

опекуну или юридическому представителю мог бы сыграть важную роль в деле защиты его прав в ходе уголовного разбирательства¹. Эти права, в частности, включают в себя право на помощь адвоката по своему выбору, право на безотлагательное судебное разбирательство, а также право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты. С учетом того, что информация, представленная сторонами, свидетельствует о том, что государство-участник не приняло никаких специальных мер по защите автора по причине его возраста, Комитет считает, что государство-участник нарушило права автора, предусмотренные п. 4 ст. 14 [Пакта], рассматриваемым в совокупности с п. 1 ст. 24 Пакта (п. 9.7 Соображения).

Выводы Комитета. Представленные факты свидетельствуют о нарушении государством-участником пп. 3 и 4 ст. 9, подп. “b” п. 2 ст. 10, подп. “b” и “c” п. 3 ст. 14 и п. 4 ст. 14 [Пакта], рассматриваемых в совокупности с п. 1 ст. 24 Пакта (п. 10 Соображения).

В соответствии с подп. “a” п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить эффективное средство правовой защиты лицам, права которых, предусмотренные Пактом, были нарушены. Соответственно, государство-участник обязано, в частности, предоставить Вячеславу Бережному надлежащую компенсацию, в том числе возместить ему судебные, правовые и иные связанные с этим делом издержки. Государство-участник также обязано принять все необходимые шаги с целью предотвращения аналогичных нарушений в отношении несовершеннолетних правонарушителей в будущем (п. 11 Соображения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 51445/09 “Жеребин против России” (вынесено 24 марта 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.), которым установлено нарушение п. 3 ст. 5 Конвенции в связи с неоднократным продлением судами срока содержания заявителя под стражей без достаточных на то оснований и без приведения надлежащих мотивов применения названной меры пресечения.

Заявитель жаловался, ссылаясь на пп. 1 и 3 ст. 5 Конвенции, что его содержали под стражей в ходе следствия и судебного разбирательства, несмотря на отсутствие значительных и достаточных оснований.

Европейский Суд отметил, что “[п]ри обосновании необходимости заключения заявителя под стражу в ходе судебного разбирательства по уголовному делу в его отношении внутригосударственные судебные власти аргументировали это тем, что он может скрываться или препятствовать отправлению правосудия путем, в том числе, оказания давления на свидетелей” (п. 57 постановления).

Суд установил, что “...внутригосударственные суды отказались рассматривать личные поручительства, подписанные лицами, согласными поручиться за заявителя, сомневаясь в их подлинности. Они также ссылались, без указания действующих норм уголовного права, на несоблюдение заявителем требования по представлению указанных документов следователю” (п. 59 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что “...внутригосударственные органы власти при отказе в освобождении

заявителя утверждали, что он не представил доказательств, опровергающих предположения обвинения о наличии риска, что он может скрыться или препятствовать отправлению правосудия... [П]ерекладывание бремени доказывания в таких вопросах на задержанное лицо равнознач[о] уничтожению смысла ст. 5 Конвенции, которая делает заключение под стражу исключительным случаем отступления от принципа уважения свободы личности, допустимым только в ограниченном количестве строго определенных случаев” (п. 60 постановления).

Суд указал на то, что “...большинство предыдущих дел длительного содержания под стражей имеют более длительные периоды лишения свободы, в сравнении с которыми [срок содержания под стражей заявителя] можно рассматривать как относительно короткий период содержания под стражей”² (п. 61 постановления).

Европейский Суд заключил, что “...не рассмотрев возможность применения альтернативной “меры пресечения” и сославшись в основном на тяжесть предъявленного обвинения, а также переложив бремя доказывания на заявителя, власти Российской Федерации продлили срок содержания заявителя под стражей на основаниях, которые, хоть и являются “значительными”, не могут считаться “достаточными” для обоснования такой длительности срока... Соответственно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции” (пп. 62—63 постановления).

В Верховный Суд РФ также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений пп. 3 и 4 ст. 5 Конвенции в части нарушения права лица на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании приговора суда, а также в связи с чрезмерно длительным рассмотрением жалоб на постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также о продлении срока содержания под стражей.

Постановления по жалобам № 80015/12 “Девтеров против России” (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), № 30454/08, 11655/10 и 19871/10 “Бражников и другие против России” (вынесено и вступило в силу 30 июня 2016 г.), № 9994/06 “Поддубный и Бабков против России” (вынесено и вступило в силу 21 июня 2016 г.), № 24649/10 и 8496/13 “Сюсюра и Овечкин против России” (вынесено и вступило в силу 30 июня 2016 г.), № 7243/10 и 15536/10 “Евстратов и Рудаков против России” (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), № 34942/05 “Колкутин против России” (вынесено и вступило в силу 12 июля 2016 г.), № 1985/05, 18579/07, 21748/07, 21954/07 и 20922/08 “Сергей Денисов и другие против России” (вынесено 19 апреля 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.), № 51311/12 “Махмуд против России” (вынесено и вступило в силу 20 сентября 2016 г.), № 58104/14, 12566/15, 13335/15, 15383/15, 18943/15, 21219/15 и 23554/15 “Вальтер и другие против России” (вынесено и вступило в силу 30 июня 2016 г.), № 16120/07 и 24021/07 “Горбатенко и Шейдяков против России” (вынесено и вступило в силу 15 ноября 2016 г.).

См. также вышеприведенные Соображения Комитета по правам человека по делу Каюм Ортиков против Узбекистана; по делу Жахангир Базаров против Кыргызстана; по делу Меджедуб Шани против Алжира.

См. также нижеприведенные Соображения по делу Марлон Джеймс Нобл против Австралии.

¹См. Европейский Суд по правам человека, *Блохин против России* (заявление № 47152/06), решение от 23 марта 2016 г., п. 183, в котором Суд признал, что допрос несовершеннолетнего в отсутствие опекуна, защитника или учителя является мерой “психологического принуждения”.

²Срок содержания заявителя под стражей составил семь месяцев и двадцать дней.

См. также нижеприведенные постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 1985/05, 18579/07, 21748/07, 21954/07 и 20922/08 “Сергей Денисов и другие против России” (вынесено 19 апреля 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.), по жалобе № 24849/05 “Сергей Зайцев против России” (вынесено и вступило в силу 20 сентября 2016 г.).

Право на справедливое судебное разбирательство

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам инвалидов

Сообщение: *Марлон Джеймс Нобл против Австралии*. Сообщение № 7/2012. Соображения приняты Комитетом по правам инвалидов (далее — Комитет) 2 сентября 2016 г.

Тема сообщения: право пользоваться правоспособностью наравне с другими.

Вопрос существа: доступ к суду; психическая и интеллектуальная недееспособность; реализация правоспособности; лишение свободы; дискриминация по признаку инвалидности; ограничения прав.

Правовые позиции Комитета. По пп. 1 и 2 ст. 5 Конвенции [о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г.]¹ государства-участники должны обеспечивать, чтобы все лица были равны перед законом и по нему и имели право на равную защиту закона и равное пользование им без всякой дискриминации, и для поощрения равенства и устранения дискриминации должны предпринимать все надлежащие шаги к обеспечению разумного приспособления. Комитет... напоминает, что дискриминация может быть результатом дискриминационного эффекта нормы или меры, которые не рассчитаны на дискриминацию, но несоразмерно затрагивают инвалидов² (п. 8.3 Соображения).

Комитет напоминает, что по п. 2 ст. 12 [Конвенции] государства-участники несут обязанность признать, что инвалиды обладают правоспособностью наравне с другими во всех аспектах жизни. По п. 3 ст. 12 [Конвенции] государства-участники несут обязанность предоставлять инвалидам доступ к поддержке, которая может потребоваться им для реализации своей правоспособности. Комитет также напоминает, что по п. 1 ст. 13 [Конвенции] государства-участники должны обеспечивать инвалидам наравне с другими эффективный доступ к правосудию, в том числе предусматривая процессуальные и соответствующие возрасту коррективы (п. 8.5 Соображения).

Комитет считает, что, хотя государства-участники имеют определенные дискреционные пределы с целью установления процедурных механизмов, дабы позволить инвалидам осуществлять свою правоспособность³, должны соблюдаться соответствующие права данного лица (п. 8.6 Соображения).

[О]дним из наиболее ценных прав, которыми наделен каждый, является свобода и личная неприкосновенность. В частности, право на свободу согласно ст. 14 Конвенции имеют все инвалиды, и особенно лица, страдающие интеллекту-

альными и психосоциальными расстройствами⁴ (п. 8.7 Соображения).

Комитет подчеркивает, что государства-участники занимают особое место в плане гарантии защиты прав лиц, лишенных свободы, в силу той степени контроля, который они осуществляют над этими лицами⁵, включая и предотвращение любой формы обращения вопреки ст. 15 Конвенции и гарантию прав, установленных по Конвенции. В этом контексте власти государства-участника должны уделять особое внимание конкретным потребностям и возможной уязвимости соответствующего лица, в том числе по причине его или ее инвалидности (п. 8.9 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает... заявление [автора] о том, что Закон о душевнобольных обвиняемых носит дискриминационный характер, поскольку он применяется лишь к лицам, страдающим когнитивными расстройствами, и в случае предъявления им обвинения в уголовных правонарушениях предусматривает их бессрочный арест без установления вины, тогда как лица, не страдающие когнитивными расстройствами, защищены от такого обращения за счет применения норм надлежащей правовой процедуры и справедливого судебного разбирательства. Комитет также отмечает, что, по мнению государства-участника, этот Закон не носит дискриминационный характер, а предусматривает легитимное дифференцированное обращение с определенными лицами, страдающими инвалидностью, с соблюдением гарантий с целью обеспечить его соразмерность целям закона (п. 8.2 Соображения).

Комитет отмечает, что Закон о душевнобольных обвиняемых призван урегулировать ситуацию лиц, страдающих психосоциальными и интеллектуальными расстройствами, которые признаются неспособными предстать перед судом по причине психического расстройства. И поэтому вопрос, стоящий перед Комитетом, заключается в том, чтобы определить, носит ли дифференцированный режим, предусмотренный по Закону, разумный характер или не приводит ли он к дискриминационному обращению с инвалидами (п. 8.3 Соображения).

[А]втор был обвинен в 2001 году в сексуальных правонарушениях, которые так и не были доказаны. В марте 2003 г. он был признан процессуально недееспособным. Был выдан ордер на арест, и автор содержался в заключении в гринафской окружной тюрьме до 10 января 2012 г., когда он был передан в службу поддержки на предмет адаптации. Комитет отмечает, что на всем протяжении заключения автора в тюрьме вся судебная процедура фокусировалась на его умственной способности предстать перед судом, и ему не было предоставлено никакой возможности заявить о своей невиновности и оспорить инкриминирующие его доказательства. Комитет также отмечает, что государство-участник не предоставило автору поддержки или адаптации, которые требуются ему для реализации своей правоспособности, и не проанализировало, какие меры могли бы быть приняты с этой целью.

⁴См. руководящие принципы Комитета по ст. 14 Конвенции о праве на свободу и личную неприкосновенность инвалидов, принятые на его четырнадцатой сессии (2015 год), п. 3.

⁵См. Комитет против пыток, сообщение № 456/2011, *Герреро Ларес против Боливарианской Республики Венесуэла*, Решение, принятое 15 мая 2015 г., п. 6.4; Комитет по насильственным исчезновениям, сообщение № 1/2013, *Ируста против Аргентины*, Соображения, принятые 11 марта 2016 г., п. 10.5.

¹Далее — Конвенция.

²См. сообщение № 10/2013, *С.К. против Бразилии*, Решение о неприемлемости, принятое 2 октября 2014 г., п. 6.4.

³См. сообщение № 5/2011, *Юнгелин против Швеции*, Соображения от 2 октября 2014 г., п. 10.5.

Наоборот, в результате применения Закона было полностью приостановлено право автора на справедливое судебное разбирательство, что лишило его защиты и равного преимущества закона. И поэтому Комитет считает, что Закон обернулся дискриминационным обращением по делу автора в нарушение пп. 1 и 2 ст. 5 Конвенции... Комитет отмечает, что по Закону с признанием того или иного лица процессуально недееспособным он или она может содержаться под арестом неограниченный промежуток времени. Он или она будут предположительно считаться по-прежнему психически неспособными предстать перед судом до тех пор, пока не будет доказано обратное. А между тем такое лицо не имеет возможности реализовывать свою правоспособность в судах (п. 8.4 Соображения).

Что касается утверждений автора по пп. 2 и 3 ст. 12 и по п. 1 ст. 13 Конвенции, то Комитет отмечает утверждение автора о том, что решение о его процессуальной недееспособности лишило его возможности реализовать свою правоспособность, дабы заявить о своей невиновности и оспорить инкриминирующие его доказательства, что равносильно нарушению пп. 2 и 3 ст. 12 Конвенции (п. 8.5 Соображения).

В настоящем деле решение о процессуальной недееспособности автора по причине его недееспособности интеллектуальной и психической обернулось отказом ему в праве реализовать свою правоспособность, дабы заявить о своей невиновности и оспорить инкриминирующие его доказательства. Более того, властями государства-участника автору не было предоставлено никакого рода адекватной поддержки, дабы позволить ему предстать перед судом и заявить о своей невиновности, несмотря на его явное намерение сделать это. И поэтому ему так и не была предоставлена возможность добиться определения по инкриминируемому ему уголовным обвинениям и потенциально обелить свой статус предполагаемого сексуального правонарушителя. Комитет считает, что, хотя государства-участники имеют определенные дискреционные пределы с целью установления процедурных механизмов, дабы позволить инвалидам осуществлять свою правоспособность¹, должны соблюдаться соответствующие права данного лица. В случае же автора этого не произошло, ибо он не имел возможности и ему не было предоставлено адекватной поддержки или адаптации, чтобы реализовать свои права на доступ к правосудию и на справедливое судебное разбирательство. Ввиду вышесказанного Комитет считает, что рассматриваемая ситуация равносильна нарушению прав автора по пп. 2 и 3 ст. 12 и по п. 1 ст. 13 Конвенции (п. 8.6 Соображения).

Комитет отмечает, что после мартовского 2003 года решения окружного суда Западной Австралии, согласно которому автор был признан процессуально недееспособным, он, после того как в порядке применения Закона о душевнобольных обвиняемых были аннулированы все обвинения против него, был заключен в тюрьму, не будучи осужден за какое-либо правонарушение. Комитет также отмечает утверждение государства-участника о том, что компетентные ведомства приняли это решение из-за отсутствия наличных альтернатив и служб поддержки, хотя они и считали, что тюрьма “не является подходящей средой для автора”. И поэтому заключение автора

было избрано на основе оценки ведомствами государства-участника потенциальных последствий его интеллектуальной недееспособности в отсутствие всякого уголовного обвинительного приговора, сделав тем самым инвалидность основной причиной заключения. И поэтому Комитет считает, что заключение автора равносильно нарушению подп. “b” п. 1 ст. 14 Конвенции, согласно которой “наличие инвалидности ни в коем случае...” не является “...основанием для лишения свободы” (п. 8.7 Соображения).

Комитет отмечает, что 10 января 2012 г. автор был выпущен из тюрьмы и передан в службу поддержки на предмет адаптации на 10 условиях. Не вдаваясь в детальный анализ этих условий, Комитет считает, что, поскольку эти условия были определены как прямое следствие заключения автора, которое признается нарушением Конвенции, они тоже равносильны нарушению подп. “b” п. 1 ст. 14 (п. 8.8 Соображения).

Комитет отмечает утверждения автора о том, что он подвергался частым актам насилия и надругательств, что его инвалидность мешала ему защищаться от таких актов и что власти государства-участника не приняли никаких мер, чтобы наказать и предотвратить их или защитить от них автора. Вдобавок Комитет отмечает, что автор содержался в заключении больше тринадцати лет без всяких указаний насчет продолжительности его заключения. Как считалось, его заключение носит бессрочный характер, поскольку в соответствии со ст. 10 Закона о душевнобольных обвиняемых “обвиняемый, признанный по настоящему разделу психически неспособным предстать перед судом, предположительно считается по-прежнему психически неспособным до тех пор, пока не будет доказано обратное”. Принимая в расчет непоправимые психологические последствия, которыми может обернуться для заключенного бессрочное заключение, Комитет полагает, что бессрочное заключение, которому он был подвергнут, равносильно бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. И поэтому Комитет считает, что бессрочное заключение автора и неоднократные акты насилия, которым он подвергался в ходе его заключения, равносильны нарушению государством-участником ст. 15 Конвенции (п. 8.9 Соображения).

Вывод Комитета. Государство-участник не выполнило свои обязательства по пп. 1 и 2 ст. 5, пп. 2 и 3 ст. 12, п. 1 ст. 13, подп. “b” п. 1 ст. 14 и по ст. 15 Конвенции (п. 8.10 Соображения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобам № 1985/05, 18579/07, 21748/07, 21954/07 и 20922/08 “Сергей Денисов и другие против России” (вынесено 19 апреля 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.), которым отклонена жалоба заявителей на нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с якобы незаконным составом городского суда, вынесшим приговор по делу заявителей, и необоснованно длительным рассмотрением уголовного дела в их отношении.

Вместе с тем установлено нарушение п. 3 ст. 5 Конвенции в связи с неоднократным продлением судами срока содержания заявителя под стражей без достаточных на то оснований и без приведения надлежащих мотивов применения названной меры пресечения.

Заявители жаловались, ссылаясь на п. 1 ст. 6 Конвенции, на то, что состав городского суда, который вынес приговор в их отношении, не был создан в соответствии с законом и не имел полномочий рассматривать их дело после 1 января 2004 г.

¹См. сообщение № 5/2011, *Юнгелин против Швеции*, Соображения от 2 октября 2014 г., п. 10.5.

Европейский Суд отметил, что “...жалоба заявителей имеет два аспекта. Во-первых, они оспорили законность назначения народных заседателей, которые вошли в состав суда, рассматривавшего их дело, и продление срока их полномочий; и, во-вторых, они поставили под сомнение их судебские полномочия после 1 января 2004 г.” (п. 111 постановления).

Суд подчеркнул, что “[...]от факт, что жалоба в настоящем деле касается народных заседателей, не умаляет ее важности, поскольку, согласно ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса [РСФСР], в своей должности народные заседатели пользуются всеми правами профессионального судьи” (п. 113 постановления).

Европейский Суд установил, что “...с 1990 по 1991 год городской суд выбрал резерв народных заседателей... [Народные заседатели] были должным образом избраны... соответственно сроком на пять лет... [В] 1993 году срок полномочий народных заседателей в России был продлен Указом 1993 года¹ до вступления в силу закона, регулирующего судебную систему... 31 декабря 1996 г. был принят Закон РФ “О судебной системе”, который предусматривал, что народные заседатели сохраняют свои полномочия до истечения срока их службы... Однако, спустя двадцать три дня, Указ 1997 года² продлил срок полномочий народных заседателей в России до вступления в силу закона о народных заседателях... [Н]ебольшая задержка в возобновлении полномочий народных заседателей, которые занимали эту должность с начала 1990-х годов по 2006 год, являлась незначительным нарушением и не подрывала законность статуса” (пп. 115–118 постановления).

Суд далее отметил, что “[...]народные заседатели] начали рассмотрение дела заявителей 1 октября 2001 г., список народных заседателей, содержащий их имена, еще не был утвержден Законодательным собранием г. Санкт-Петербурга и передан в городской суд в соответствии со статьей 2 Закона о народных заседателях³... 5 августа 2002 г. судебное разбирательство по делу заявителей еще велось, и [народные заседатели] участвовали в нем, начиная с 1 октября 2001 г. В соответствии с применимыми положениями Уголовно-процессуального кодекса РФ... состав суда, рассматривающего дело, должен оставаться неизменным в течение всего срока судебного разбирательства... [Т]ребование о постоянном составе суда, предусмотренное Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР, а позже и Российской Федерации, обеспечивало непрерывное и своевременное рассмотрение дела заявителей и заменяло собой неспособность властей утвердить и распространить списки народных заседателей” (пп. 121–122 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что “[...]народные заседатели] имели полномочия рассматривать дело заявителей до и после 5 августа 2002 г., а также после 1 января 2004 г., когда положения Закона о народных заседателях были отменены. Таким образом, Суд приходит к выводу о том, что состав суда, рассматривавшего дело заявителей, был законным, и в этом отношении не было допущено нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции” (п. 125 постановления).

¹Указ Президента Российской Федерации от 25 декабря 1993 г. “О замещении вакантных должностей федеральных судей”.

²Указ Президента Российской Федерации от 23 января 1997 г. “О продлении срока полномочий народных заседателей верховных судов республик, краевых, областных судов, Московского и Санкт-Петербургского городских судов, суда автономной области, судов автономных округов, районных и военных судов”.

³Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 37-ФЗ “О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации” (с изм. от 14 ноября 2002 г.).

Заявители также жаловались на то, что длительность разбирательства по их уголовному делу не соответствовала требованию “разумного срока”, установленному п. 1 ст. 6 Конвенции.

Суд подчеркнул, что “...обоснованность длительности рассмотрения дела необходимо оценивать с учетом обстоятельств дела и следующих критериев: сложности дела, поведения заявителя и соответствующих органов власти... предварительное следствие по делу заявителей велось с 10 января 1999 г. по 26 января 2001 г. (два года и семнадцать дней), производство в городском суде длилось с 29 января 2001 г. по 15 февраля 2006 г. (пять лет и восемнадцать дней), а кассационное производство в Верховном Суде [Российской Федерации] длилось с 16 февраля по 21 ноября 2006 г. (девять месяцев и четыре дня)... [Д]лительность предварительного следствия и кассационного производства не была необоснованной, учитывая сложность дела и необходимость для заявителей изучить материалы дела и подготовиться к слушаниям... [С]амый большой перерыв в судебном производстве имел место... когда городской суд откладывал слушание не менее восьмидесяти восьми раз из-за болезни заявителей, неявки адвокатов по состоянию здоровья или по личным или профессиональным причинам, либо без уважительной причины, или же из-за удаления заявителей и их адвокатов из зала суда за поведение, нарушающее порядок судебного заседания” (пп. 131–134 постановления).

Европейский Суд отметил, что “...судебное разбирательство было сложным, учитывая участие в нем семнадцати подсудимых и количество и суть предъявленных им обвинений... [Н]еоднократная неявка адвокатов в суд существенно замедлила ход судопроизводства... [Э]то происходило не по вине государства... [Г]ородской суд правомерно и систематически откладывал слушания по причинам, которые находились вне контроля внутригосударственных органов власти” (пп. 136–140 постановления).

Суд заключил, что “...длительность уголовного судопроизводства в настоящем деле нельзя считать необоснованной. Следовательно, в данном отношении нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции допущено не было” (п. 141 постановления).

Также, ссылаясь на п. 1 ст. 6 Конвенции, заявители жаловались на то, что они в ряде случаев были удалены из зала суда и что слушание по их делу, проводившееся в следственном изоляторе, не было открытым для общественности.

Относительно удаления заявителей из зала суда Суд установил, что “...заявители и/или некоторые из их адвокатов удалялись из зала суда в ряде случаев за то, что они перебивали председательствующего судью или секретаря суда, обращались к городскому суду, используя непристойную брань, и за другое несдержанное поведение... При таких обстоятельствах удаление заявителей из зала суда было необходимым для поддержания порядка в зале суда и не умаляло общую справедливость разбирательства по делу заявителей, которых в их отсутствие представляли их адвокаты” (п. 143 постановления).

Что касается жалобы на закрытость разбирательства, проводившегося в следственном изоляторе, то Европейский Суд отметил, что “...предоставленные материалы по делу убедительно доказывают, что, несмотря на то, что судебное разбирательство было перенесено в следственный изолятор, оно не было закрытым для общественности” (п. 144 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе № 24849/05 “Сергей Зайцев против России” (вынесено и вступило в силу 20 сентября 2016 г.), которым установлено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с проведением об-

ластным судом закрытого заседания по уголовному делу заявителя.

Одновременно отклонены как явно необоснованные жалобы заявителя на чрезмерную продолжительность судебного разбирательства по его делу, на нарушение принципа презумпции невиновности и иных прав заявителя в ходе процесса, а также исключена из списка подлежащих рассмотрению дел жалоба заявителя на несоблюдение п. 3 ст. 5 Конвенции в связи с чрезмерно длительным содержанием его под стражей ввиду урегулирования властями данного вопроса одной-сторонней декларацией.

Заявитель жаловался на непроведение публичного судебного разбирательства по его уголовному делу в нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что "...решение суда о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании является нарушением справедливого баланса между правом заявителя на проведение публичного разбирательства по уголовному делу, с одной стороны, и иными важными интересами, с другой стороны" (п. 29 постановления).

Суд установил, что "...[областной] суд не изложил каких-либо причин в обоснование принятого решения о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании... В качестве единственного основания для рассмотрения дела в закрытом судебном заседании Власть сослалась на необходимость обеспечения безопасности... [П]роблемы с обеспечением безопасности характерны для многих разбирательств по уголовным делам, однако случаи, когда одно лишь наличие таких проблем является основанием для рассмотрения дела в закрытом судебном заседании тем не менее весьма редки... [Н]ациональные судебные органы были обязаны обеспечить охрану и безопасность людей, присутствовавших в зале суда... [С]оответствующие меры должны применяться с учетом обстоятельств конкретного дела и соответствовать принципу необходимости. Органам судебной власти следует тщательным образом рассматривать любые возможные альтернативные меры, которые могут использоваться для обеспечения охраны и безопасности в зале суда, и отдавать предпочтение тем из них, которые представляются менее строгими в контексте достижения одной и той же цели. Более того, если суд первой инстанции действительно принял во внимание определенную информацию, такую информацию следовало представить сторонам, в частности заявителю, чтобы обеспечить открытое обсуждение этого вопроса. Вместе с тем судом первой инстанции указанные действия предприняты не были" (пп. 30—31 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с проведением закрытого слушания по делу заявителя.

Заявитель также жаловался на то, что его заключение под стражу во время предварительного следствия и судебного разбирательства в отсутствие значительных и достаточных оснований являлось нарушением п. 3 ст. 5 Конвенции.

Власти подтвердили, что содержание заявителя под стражей являлось нарушением п. 3 ст. 5 Конвенции, и указали на свою готовность выплатить заявителю справедливую денежную компенсацию (п. 14 постановления).

Европейский Суд остался удовлетворен тем, что сумма предложенной компенсации соответствовала суммам, присужденным в подобных делах (п. 21 постановления).

Суд посчитал целесообразным исключить данную часть жалобы из списка дел, подлежащих рассмотрению, в соответствии с подп. "с" п. 1 ст. 37 Конвенции.

См. также приведенные выше Соображения Комитета по правам человека по делу Жихангир Базаров против Кыргызстана и по делу Вячеслав Бережной против Российской Федерации.

Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора

Постановление Европейского Суда по жалобе № 58923/14 "Холмуродов против России" (вынесено 1 марта 2016 г., вступило в силу 4 июля 2016 г.), которым установлено, что исполнение решения УФСМ России о депортации заявителя либо его иное принудительное перемещение в Республику Узбекистан (в порядке экстрадиции, депортации или иным способом) будет являться нарушением ст. 3 Конвенции.

Наряду с этим установлено нарушение ст. 13 Конвенции в связи с отсутствием у заявителя эффективных средств правовой защиты от выявленных нарушений.

Заявитель жаловался на то, что отправка его в родную страну, Узбекистан, подвергла бы его обращению, противоречащему ст. 3 Конвенции, по причине обвинений в уголовных правонарушениях, вынесенных в его отношении в этом государстве.

Европейский Суд указал на то, "...что лица, обвиняемые в Узбекистане в правонарушениях политического и религиозного характера, принадлежат к уязвимой группе, систематически подвергаемой практике жестокого обращения в указанной стране... [Т]акже, если лицо, подлежащее выдворению или экстрадиции в эту страну, может доказать принадлежность к такой группе, он может не доказывать наличие дополнительных особых отличительных признаков, которые выделяли бы лично его, чтобы доказать, что лично он подвергался и продолжает подвергаться опасности" (п. 64 постановления).

В настоящем деле Суд установил, что "...заявитель обвиняется в Узбекистане, в числе прочего, в посягательстве на конституционный строй, изготовлении и разглашении материалов, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок, а также в создании и управлении экстремистскими религиозными организациями, сепаратистскими, фундаменталистскими и другими запрещенными организациями и в участии в таких организациях... [Э]ти обвинения носят, без сомнения, политический и религиозный характер, что причисляет заявителя к группе особенно уязвимых лиц, подверженных риску жестокого обращения в случае возвращения в Узбекистан" (п. 65 постановления).

Европейский Суд отметил, что "...дипломатические заверения¹ сами по себе не являются достаточными. Необходимо, чтобы эти заверения предоставляли в своем практическом применении достаточную гарантию, что заявитель действительно будет защищен от риска применения жестокого обращения... [З]аверения, данные органами власти Узбекистана, не предусматривали дипломатических или основанных на участии наблюдателей механизмов, которые позволяли бы обеспечить объективный контроль за их соблюдением" (п. 66 постановления).

Суд подчеркнул, что "...одного только существования внутригосударственных норм и ратификации международных соглашений, гарантирующих уважение основных прав человека, недостаточно, чтобы обеспечить соответствующую защиту от риска жестокого обращения, поскольку, как в настоящем деле, достоверные источники подтверждают практику органов власти — или допускаемую ими — явно противоречащую принципам Конвенции" (п. 67 постановления).

¹Дипломатические заверения, в соответствии с которыми заявитель не подвергнется бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в своей родной стране.

Европейский Суд пришел к выводу, что “...высылка заявителя в Узбекистан подвергла бы его реальному риску жестокого обращения, противоречащему ст. 3 Конвенции” (п. 70 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его жалобы, касающиеся риска ненадлежащего обращения, которому он подвергся бы в случае возвращения в Узбекистан, не были надлежащим образом рассмотрены государственными органами, что, по его словам, нарушало ст. 13 Конвенции.

Суд отметил, что “...суды не рассмотрели доводы заявителя, касающиеся риска жестокого обращения, ограничившись обоснованием применения депортации соображениями охраны общественного порядка... [Р]ешение [Управления федеральной миграционной службы России], которым заявителю было предоставлено временное убежище, не содержало ни анализа его личного положения, ни оценки риска, которому он мог быть подвергнут в случае перемещения в Узбекистан, и что оно ограничивалось упоминанием обеспечительной меры, указанной Судом в соответствии с правилом 39 Регламента... [Н]и первая, ни вторая из этих процедур не предоставила заявителю внимательного контроля и тщательного рассмотрения, которых требует ст. 13, в том, что касается его заявления, в соответствии с которым он подвергался риску обращения, противоречащего ст. 3 Конвенции, в случае возвращения в Узбекистан” (п. 77 постановления).

Европейский Суд заключил, что “...[заявитель] не имел эффективного средства правовой защиты по смыслу ст. 13, чтобы отстаивать свою жалобу по ст. 3 Конвенции” (п. 78 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на п. 1 ст. 5 Конвенции, что его содержание под стражей не является правомерным.

Суд отметил, что “...[прокурор] вынес постановление об избрании меры пресечения в виде заключения заявителя под стражу на два месяца, основываясь на части 2 статьи 466 УПК... [П]остановление № 11 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г.¹ действовало во время событий, внутригосударственные суды... явно ссылались на п. 21 данного постановления, поскольку они подтвердили решение прокурора” (п. 88 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что “...[п]остановление [Пленума Верховного Суда Российской Федерации]... уточняет, что, поскольку запрос об экстрадиции сопровождается распоряжением о содержании под стражей, вынесенном иностранным судом, прокурор может, в применение ч. 2 ст. 466 УПК, вынести решение о помещении этого лица под стражу на срок, не превышающий двух месяцев с момента, когда это лицо было задержано” (п. 89 постановления).

Суд указал на то, что “...[п]остановление [Пленума Верховного Суда Российской Федерации]... уточняет также, что в отсутствие запроса об экстрадиции распоряжение о помещении под стражу может быть вынесено только российским судом и что даже после получения запроса об экстрадиции оно может быть продлено только российским судом. Прочтенные совместно пп. 19 и 21 постановления, по-видимому, указывают на то, что толкование, вытекающее из применимого права, заключается в том, что в контексте процедуры экстрадиции прокурор может выносить решение только о первоначальном помещении под стражу и только после получения запроса об экстрадиции — сопровождаемого распоряжением о содержании под стражей, вынесенном иностранным судом; если это последнее

условие не выполнено, первоначальное решение о помещении под стражу может быть принято только российским судом, который, кроме того, во всех ситуациях является единственным компетентным судом в вопросе продления такой меры... [В] настоящем деле ч. 2 ст. 466 УПК не применялась национальными судами в соответствии с этим порядком” (п. 90 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что “...[п]остановление [Пленума Верховного Суда Российской Федерации]... не уточняет, как разграничить ч. 2 ст. 466 УПК — которая позволяет прокурору вынести постановление о помещении под стражу в целях экстрадиции — и ч. 4 ст. 108 этого же Кодекса, которая предусматривает, что только российский суд может вынести постановление о применении меры, связанной с лишением свободы” (п. 91 постановления).

Суд пришел к выводу, что “...лишение свободы, которому подвергся заявитель... не являлось правомерным в смысле п. 1 ст. 5 Конвенции, в связи с отсутствием правовой основы, которая имела бы требуемые в целях соответствия общему принципу правовой безопасности качества” (п. 92 постановления).

Заявитель также жаловался наконец на то, что он был лишен процедурных гарантий в ходе принятия решения о его депортации, по его мнению, в нарушение ст. 1 Протокола № 7 к Конвенции.

Суд подчеркнул, что “...статья 1 протокола № 7 к Конвенции относится явным образом к иностранным гражданам, “на законных основаниях проживающим на территории какого-либо государства”... [Н]ичто в материалах дела не свидетельствует о том, что заявитель правомерно въехал на российскую территорию, чтобы остаться, и что он имел “законно обоснованное ожидание” получить разрешение на пребывание... [И]з материалов дела не следует, что он... имел разрешение на временное пребывание... [З]аявитель имел поддельный паспорт в момент, когда он был задержан российскими органами власти, и... этот факт, в числе прочих, послужил основанием для его последующего осуждения по уголовному делу... [Т]от факт, что заявитель отбывал наказание в виде лишения свободы на территории Российской Федерации на момент принятия постановления о выдворении в его отношении, не делал пребывание заявителя “правомерным” в смысле ст. 1 Протокола № 7 к Конвенции” (п. 97 постановления).

Европейский Суд заключил, что “...данная жалоба несовместима ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения, с положениями Конвенции в значении п. 3 ст. 35 и подлежит отклонению в соответствии с п. 4 ст. 35” (п. 98 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе № 14348/15 “У.Н. против России” (вынесено 26 июля 2016 г., вступило в силу 28 ноября 2016 г.), которым установлено, что принудительное перемещение заявителя в Кыргызскую Республику (в порядке экстрадиции либо иным способом) будет являться нарушением ст. 3 Конвенции.

Установлено также нарушение п. 4 ст. 5 Конвенции в связи с отсутствием у заявителя возможности добиться судебного пересмотра постановления районного суда о применении к нему в течение определенного судом срока меры пресечения в виде заключения под стражу в целях экстрадиции, несмотря на имевшие место изменения в обстоятельствах, которые могли повлиять на законность соответствующей меры.

Заявитель жаловался, ссылаясь на ст. 3 Конвенции, на то, что в случае его выдачи Кыргызстану он подвергнется пыткам и бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию, потому что он принадлежал к узбекскому этническому меньшинству.

¹Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 “О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания”.

Европейский Суд отметил, что он “...неоднократно изучал ситуацию в отношении этнических узбеков, чьей экстрадиции добивались власти Кыргызстана в связи с рядом тяжких преступлений, которые они, предположительно, совершили в ходе жестоких межэтнических столкновений между киргизами и узбеками в июне 2010 г. В тех делах [Суд] неизменно постановлял, что, учитывая подтвержденное широко распространенное и привычное применение пыток и иного жестокого обращения со стороны правоохранительных органов в южной части Кыргызстана в отношении членов узбекского сообщества, безнаказанность сотрудников правоохранительных органов, а также отсутствие достаточных гарантий для заявителей в соответствующей стране, имелись существенные основания полагать, что заявители столкнутся с реальной угрозой быть подвергнутыми обращению, предусмотренному ст. 3 Конвенции по возвращении в Кыргызстан” (п. 38 постановления).

Однако Суд подчеркнул, что “...[к]ак и в предыдущих подобных делах, заявитель безуспешно пытался обратить внимание... на вышеупомянутые обстоятельства в ходе производства по экстрадиции и делам беженцев... [О]снование национальных судов по делу заявителя было более подробным... Однако их доводы, обосновывающие отклонение требований заявителя, уже были рассмотрены Европейским Судом в его предыдущих постановлениях, и он посчитал их недостаточными... Что касается последнего довода, представленного Европейскому Суду, и на основании того факта, что экстрадиции заявителя добивались за обычные уголовные преступления, в совершении некоторых из которых он признался... Европейский Суд может только напомнить, что поведение заявителя — каким бы нежелательным или опасным оно бы ни было — не может отменить запрет на жестокое обращение согласно ст. 3 Конвенции... [З]аявитель является этническим узбеком, чьей экстрадиции добивались власти Кыргызстана за преступления, совершенные в ходе жестоких столк-

новений в июне 2010 г. ...Таким образом, он является членом группы, которая систематически подвергается жестокому обращению” (п. 39 постановления).

Таким образом, Европейский Суд заключил, что “...принудительное возвращение заявителя в Кыргызстан в форме экстрадиции или иным образом было бы нарушением ст. 3 Конвенции” (п. 41 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на п. 4 ст. 5 Конвенции, на отсутствие возможности судебного пересмотра законности его содержания под стражей.

Европейский Суд установил, что он “...уже выявлял нарушение п. 4 ст. 5 Конвенции, когда у заявителя не было возможности добиться судебного пересмотра законности его содержания под стражей в течение фиксированного периода времени, несмотря на изменения в обстоятельствах в течение этого периода времени, которые могли повлиять на законность его содержания под стражей... В настоящем деле содержание заявителя под стражей было разрешено на фиксированный период — с 16 января по 23 июля 2015 г. Изменившимися обстоятельствами, которые могли повлиять на законность содержания под стражей, были промежуточная мера Европейского Суда 24 марта 2015 г. и вступление в силу решения [о выдаче] 25 марта 2015 г. Соответственно, чуть меньше четырех месяцев, в течение которых заявитель не мог добиться судебного пересмотра законности его содержания под стражей” (п. 45 постановления).

В отсутствие каких-либо новых доводов или фактов Европейский Суд постановил, что имело место нарушение п. 4 ст. 5 Конвенции.

Неофициальный перевод текстов постановлений (решений) Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
26 апреля 2017 г.)*

ОБЗОР ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ В 2016 ГОДУ ОБЛАСТНЫМИ И РАВНЫМИ ИМ СУДАМИ ДЕЛ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ ИЛИ ЛИЦАМИ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА, А ТАКЖЕ ГРАЖДДАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПОСТОЯННО ПРОЖИВАЮЩИМИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Верховным Судом РФ проведено обобщение практики рассмотрения судами в 2016 году дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации (далее — международное усыновление).

Обобщение судебной практики показало, что при рассмотрении указанной категории дел судами в целом соблюдаются требования действующего законодательства, регулирующего вопросы усыновления детей, а также учитываются разъяснения, данные Верховным Судом РФ в постановлении Пленума от 20 апреля 2006 г. № 8 “О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей” с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 17 декабря 2013 г. № 37.

Статистические данные

Результаты проведенного обобщения свидетельствуют о том, что тенденция к снижению количества дел указанной категории, которая имела место в предыдущие годы (2011—2015 годы), в 2016 году сохранилась.

Так, в 2016 году областными и равными им судами было окончено 450 дел о международном усыновлении, из них с вынесением решения рассмотрено 433 дела (с удовлетворением требования — 430 дел, с отказом в удовлетворении требования — 3 дела), что на 35,4% меньше, чем в 2015 году (с вынесением решения рассмотрено 670 дел), и на 54,3% меньше, чем в 2014 году (947 дел). По сравнению с 2013 годом, когда было рассмотрено 1247 дел с вынесением решения, в 2016 году количество таких дел уменьшилось на 65,3%, а по сравнению с 2012 годом, когда с вынесением решения было рассмотрено 2426 дел, — на 82,2%. Кроме того, в 2016 году производство по 6 делам о международном усыновлении было прекращено, а 11 заявлений оставлены без рассмотрения.

При этом следует отметить, что количество дел об усыновлении детей российскими гражданами остается стабильно высоким.

Так, в 2016 году с вынесением решения районными судами рассмотрено 12 844 дела по заявлениям граждан Российской Федерации об усыновлении детей, из которых с удовлетворением требования — 12 725 дел, что в 29,6 раза больше, чем за этот же период рассмот-

рено с удовлетворением заявления дел о международном усыновлении детей (430 дел).

В 2016 году наибольшее количество дел о международном усыновлении с вынесением решения рассмотрено Кемеровским областным судом (48 дел), Приморским краевым судом (43 дела), Челябинским областным судом (32 дела), Санкт-Петербургским городским судом (22 дела), Ленинградским областным судом (21 дело), Пермским краевым судом (21 дело).

Как и в предыдущие два года (2014—2015 годы), в 2016 году чаще всего российских детей усыновляли граждане Италии — 60,9% дел, рассмотренных с удовлетворением заявления, граждане Испании (17,9%) и граждане Франции (6,5%).

Абсолютное большинство дел данной категории рассмотрено в установленный ч. 1 ст. 154 ГПК РФ двухмесячный срок со дня поступления заявления в суд, и только по 14 делам (из 450 дел, оконченных в 2016 году) этот срок был нарушен.

Принятие заявления об усыновлении

Обобщение судебной практики свидетельствует о том, что судьями правильно разрешается вопрос о возможности принятия заявления об усыновлении к производству суда.

Заявления о международном усыновлении, с которыми усыновители обращались в суды в 2016 году, не отвечающие по форме и содержанию общим требованиям, предъявляемым ст. 131 ГПК РФ к исковому заявлению, либо специальным требованиям, закрепленным в ст. 270 ГПК РФ, а также положениям ст. 271 ГПК РФ, устанавливающим перечень необходимых документов, которые должны быть приложены к заявлению об усыновлении, оставались без движения, заявителям предоставлялся срок для устранения недостатков.

Основанием для оставления заявлений без движения, как правило, являлось непредставление заявителями (их представителями) вместе с заявлением всех необходимых документов, предусмотренных ст. 271 ГПК РФ (в частности, разрешения компетентного органа соответствующего государства на въезд усыновляемого ребенка в это государство и его постоянное жительство на территории этого государства; документа о постановке на учет граждан в качестве кандидатов в усыновители; справок о месте работы и заработной плате либо копии декларации о доходах или иного документа о доходах; заключения компетентного органа государства, гражданами которого являются усыновители, об условиях их жизни и о возможности быть усыновителями; документа о прохождении в установленном порядке подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей; заключения о медицинском обследовании усыновителей; справки об отсутствии судимости, а также сведений о том, что кандидат в усыновители не подвергался и не подвергается уголовному преследованию за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности, половой неприкосновенности и половой свободы личности и иные преступления). Кроме того, судьи оставляли заявления без движения в связи с представлением заявителями документов, не отвечающих установленным требованиям (например, несоблюдение порядка представления апостиля, предусмотренного ст. 4 Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов; представление документов с истекшими сроками их действия или не переведенных на русский язык либо содержащих неправильный перевод), а также в связи с представлением ряда документов не в подлинниках, как того требует действующее законодательство Российской Федерации, а в копиях.

При невыполнении в установленный срок указаний судьи заявление возвращалось заявителю на основании ч. 2 ст. 136 ГПК РФ.

Например, на основании ч. 1 ст. 136 ГПК РФ судьями Иркутского областного суда в 2016 году было вынесено 14 определений об оставлении заявлений о международном усыновлении без движения. Заявителям был предоставлен разумный срок (не менее месяца) для устранения выявленных недостатков, однако в связи с невыполнением ими в установленный срок указаний судьи по устранению недостатков все 14 заявлений были возвращены заявителям (всего Иркутским областным судом в 2016 году окончено производством 17 дел о международном усыновлении).

Судьями Волгоградского областного суда 10 раз возвращались заявления об усыновлении. При этом трем супружеским парам заявления возвращались по два раза. Впоследствии, после устранения недостатков и повторного обращения в суд, 6 заявлений об усыновлении из числа ранее возвращенных были приняты к производству суда и рассмотрены по существу (всего Волгоградским областным судом в 2016 году с вынесением решения рассмотрено 12 дел о международном усыновлении).

С учетом того, что международное усыновление, как правило, осуществляется при содействии представительства иностранного государственного органа или организации по усыновлению (удочерению) детей на территории Российской Федерации или представительства иностранной некоммерческой неправительственной организации, получивших соответствующие разрешения на осуществление деятельности по усыновлению (удочерению) детей на территории Российской Федерации, указанные выше недостатки, касающиеся оформления заявлений об усыновлении, а также представления документов в соответствии с требованиями действующего законодательства, свидетельствуют об имеющихся недочетах в работе данных представительств по надлежащей подготовке необходимых материалов иностранных граждан для обращения в суд с заявлением об усыновлении ребенка.

При принятии заявления об усыновлении детей судьи учитывали положения ст. 4 Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ “О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации”, согласно ч. 1 которой запрещается передача детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, а также осуществление на территории Российской Федерации деятельности органов и организаций в целях подбора и передачи детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, желающим усыновить (удочерить) указанных детей.

Так, с учетом данных норм Волгоградским областным судом было оставлено без движения заявление граждан Италии об удочерении несовершеннолетней до представления супругами документа компетентного органа США об отсутствии у заявителя, родившегося в США, гражданства этого государства. После представления в суд надлежащим образом оформленных документов об утрате гражданства США в связи с отказом заявителя от этого гражданства заявление было принято к производству суда, рассмотрено и удовлетворено.

Саратовским областным судом на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ со ссылкой на ст. 4 названного выше Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ правильно отказано в принятии к производству суда заявления гражданина США, постоянно проживающего на территории Российской Федерации, об удочерении падчерицы.

Как показало проведенное обобщение, имели место случаи приостановления производства по делам о международном усыновлении. Причинами, послужившими основанием для приостановления, являлись, в частности, направление судом в соответствии со ст. 62 ГПК РФ судебного поручения, назначение экспертизы.

Так, судьями Волгоградского областного суда приостанавливалось производство по 6 делам. По одному из дел в связи с утверждением заявителей об отсутствии у усыновляемого ребенка диагноза, указанного в медицинском заключении о его состоянии здоровья, суд назначил комиссионную судебную медицинскую экспертизу для установления состояния здоровья ребенка. С учетом результата экспертизы, установившей, что ребенок не страдает указанными в медицинском заключении заболеваниями, а также иных обстоятельств дела судом принято решение об удовлетворении заявления.

В 2016 году имели место случаи прекращения производства по делу о международном усыновлении. Так, основанием для прекращения Иркутским областным судом производства по делу по заявлению граждан Израйля об усыновлении гражданина Российской Федерации стал отказ заявителей от заявления в связи с изменением их семейных обстоятельств.

Соблюдение судами положений ст. 273 ГПК РФ. Учет мнения ребенка (ст. 57 СК РФ)

В 2016 году все дела о международном усыновлении детей были рассмотрены судами с соблюдением требований ст. 273 ГПК РФ — с обязательным участием усыновителей (усыновителя), представителя органа опеки и попечительства, прокурора, а также ребенка, достигшего возраста четырнадцати лет.

Учитывая положения ст. 57 СК РФ и ст. 12 Конвенции о правах ребенка в судебном заседании, суды выясняли мнение детей, достигших возраста десяти лет, по вопросу их усыновления. При этом суды учитывали, что в соответствии со ст. 57 и п. 1 ст. 132 СК РФ для усыновления ребенка, достигшего указанного возраста, необходимо его согласие.

Так, мнение детей, достигших возраста десяти лет, а также более старшего возраста, по вопросу их усыновления в указанном порядке выяснялось Пермским краевым судом, Архангельским, Владимирским, Вологодским, Иркутским, Кировским, Ленинградским, Оренбургским, Псковским и Ростовским областными судами.

По ряду дел в судебном заседании опрашивались дети младше десятилетнего возраста, если суд приходил к выводу о том, что усыновляемый ребенок достиг достаточной степени развития и способен в силу этого сформулировать собственные взгляды относительно своего усыновления.

Мнение детей в возрасте до десяти лет по вопросу их усыновления путем их опроса в судебном заседании выяснялось, в частности, Верховным Судом Республики Бурятия, Верховным Судом Чувашской Республики, Приморским краевым судом, Архангельским, Вологодским, Иркутским, Кировским, Нижегородским и Смоленским областными судами, Санкт-Петербургским городским судом, судом Еврейской автономной области.

В 2016 году имел место случай, когда на время рассмотрения дела в суде усыновляемые дети достигли возраста десяти лет, однако усыновление детей было произведено без получения согласия этих детей.

Так, при рассмотрении дела об усыновлении двоих детей в возрасте 10 и 11 лет иностранным гражданином судом было установлено, что заявитель состоит в браке с отцом детей — гражданином Российской Федерации, постоянно проживающим на территории Российской

Федерации, воспитывает детей с раннего возраста и дети считают заявителя своей биологической матерью. С учетом просьбы самого заявителя, а также отца детей, просившего произвести усыновление без выяснения мнения детей относительно их усыновления, поскольку информация о том, что заявитель не является биологической матерью детей, может нанести им психологическую травму, а также принимая во внимание заключение органа опеки и попечительства по данному вопросу, суд на основании п. 2 ст. 132 СК РФ пришел к правильному выводу о наличии исключительных обстоятельств, позволяющих произвести усыновление детей без получения на это их согласия.

Соблюдение условий передачи детей на международное усыновление (п. 4 ст. 124 СК РФ)

Учитывая, что в соответствии с п. 4 ст. 124 СК РФ иностранные граждане и лица без гражданства вправе усыновить российских детей, если невозможно передать усыновляемого ребенка на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, либо на усыновление родственникам этого ребенка независимо от гражданства и места жительства этих родственников, а также если истекли двенадцать месяцев со дня поступления сведений о таком ребенке в федеральный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей, суды проверяли указанные обстоятельства при рассмотрении каждого дела об усыновлении.

В этих целях суды правильно проверяли, какие меры были приняты органами опеки и попечительства, региональным и федеральным операторами по устройству детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи родственников детей, если таковые имелись, а также в семьи граждан Российской Федерации, кому и когда из российских граждан предлагалось взять ребенка на воспитание в свою семью, по каким причинам указанные лица отказались от принятия ребенка на воспитание в семью (на усыновление, под опеку (попечительство), в приемную семью), с какого времени сведения о ребенке находятся в федеральном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, и правильно ли были указаны сведения о ребенке (о его возрасте, состоянии здоровья).

Указанные обстоятельства, как правило, устанавливались судом путем исследования письменных доказательств, представляемых органами опеки и попечительства, федеральным и региональным операторами.

Так, в ходе рассмотрения Тульским областным судом заявления граждан Италии об усыновлении несовершеннолетнего установлено, что две его родные тети написали заявления об отказе принять ребенка на воспитание в свои семьи и дали согласие на его усыновление другими лицами, за время нахождения ребенка в детском учреждении никто из родственников его не навещал, взять под опеку не пожелал, судьбой и здоровьем мальчика не интересовался. Суду также были представлены доказательства, свидетельствующие о том, что органом опеки и попечительства принимались меры к устройству ребенка в семьи российских граждан, однако они оказались безрезультатными. Как установлено судом, мальчик неоднократно предлагался для передачи на воспитание в семьи российских граждан, сведения о которых содержатся в личном деле ребенка. Судом исследовались заявления двадцати восьми семей — граждан Российской Федерации об ознакомлении со сведениями о ребенке, однако данные граждане отказались от получения направлений для личного общения с мальчиком по мотивам несоответствия данных о ребенке их пожеланиям. Требование об

усыновлении ребенка гражданами Италии было удовлетворено.

По ряду дел дети предлагались для передачи на воспитание в семью значительному числу граждан Российской Федерации. Так, по одному из дел, рассмотренных Алтайским краевым судом, ребенок предлагался на усыновление ста пятидесяти шести семьям граждан Российской Федерации, а по другому делу — тридцати четырем семьям. При рассмотрении Саратовским областным судом двух дел о международном усыновлении было установлено, что в одном случае со сведениями о ребенке в целях его усыновления знакомились пятьдесят четыре семьи российских граждан, а в другом случае — семьдесят четыре.

В необходимых случаях суд опрашивал в судебном заседании лиц, которые знакомились со сведениями о ребенке и отказались от его усыновления или семейного воспитания в иных формах, и родственников ребенка, также отказавшихся взять ребенка на воспитание в свои семьи.

Такие лица опрашивались в судебном заседании, в частности Красноярским краевым судом, Волгоградским, Вологодским, Иркутским и Смоленским областными судами, судом Еврейской автономной области.

Так, в целях выяснения вопроса о том, предлагался ли ребенок, заявление об удочерении которого подано гражданами Италии и впоследствии удовлетворено судом, на устройство в семьи граждан Российской Федерации, Волгоградским областным судом в судебное заседание были вызваны семь свидетелей, из которых в суд явились трое и подтвердили факт отказа от удочерения ребенка с объяснением причин отказа. Другие свидетели — граждане Российской Федерации, знакомившиеся со сведениями о ребенке и отказавшиеся от удочерения ребенка или семейного воспитания в иных формах, уклонились от явки в суд без указания причины. Указанные обстоятельства отражены судом в решении об удочерении несовершеннолетней гражданами Италии.

В ходе рассмотрения Челябинским областным судом дела по заявлению граждан Италии было установлено, что у ребенка имеются две тети, с которыми неоднократно беседовали специалисты органа опеки и попечительства в целях выяснения вопроса о том, имеются ли у них желание и возможность взять на воспитание данного ребенка. Так, с одной из них беседовали трижды, с другой — дважды. Однако указанные лица оформили письменные отказы от принятия ребенка в свои семьи, которые были приобщены к материалам дела. Бабушка со стороны матери ребенка и дедушка со стороны его отца также отказались принять ребенка на воспитание в свои семьи.

При рассмотрении ряда дел суды в соответствии со ст. 62 ГПК РФ поручали суду по месту жительства родственников усыновляемых детей либо лиц, которые знакомились со сведениями о ребенке и отказались от его усыновления или семейного воспитания, опросить этих лиц по обстоятельствам рассматриваемого дела.

Например, при рассмотрении заявления граждан Италии об усыновлении несовершеннолетнего в целях исследования вопроса о возможности передачи ребенка в семью его родственников в порядке судебного поручения районным судом Волгоградской области были опрошены бабушка, дядя и тетя ребенка. В материалах дела имелись заявления указанных лиц об отказе принять ребенка на воспитание в свои семьи, а также данные о том, что дядя и бабушка ребенка не работают и ведут асоциальный образ жизни. Возражая против усыновления ребенка иностранными гражданами, родственники высказали желание передать ребенка на воспитание его матери. Однако, как установлено судом, мать ребенка была лишена родительских прав, каких-либо действий, направленных на восстановление

в родительских правах, не предпринимала. С учетом невозможности передачи ребенка в семью его родственников или граждан Российской Федерации Волгоградским областным судом принято решение об удовлетворении заявления иностранных граждан об усыновлении ребенка.

В тех случаях, когда суды выясняли, что до подачи усыновителями в суд заявления об усыновлении надлежащие меры по установлению родственников ребенка и его устройству в семье этих родственников приняты не были, суды предлагали органам опеки и попечительства принять меры к установлению родственников ребенка.

При этом суды не оставляли без внимания указанные факты ненадлежащего исполнения органами опеки и попечительства своих обязанностей и реагировали на них путем вынесения частных определений (ч. 1 ст. 226 ГПК РФ).

Так, в связи с непринятием исчерпывающих мер для выявления всех родственников ребенка, а также для выяснения мнения родителей по вопросу согласия на его усыновление Верховным Судом Республики Саха (Якутия) по делу об удочерении несовершеннолетней гражданами Испании было вынесено частное определение в адрес Министерства труда и социального развития Республики Саха (Якутия), ГБУ России (Якутия) “Городской специализированный Дом ребенка”, органов опеки и попечительства окружной администрации города Якутска Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия).

Обобщение судебной практики свидетельствует о том, что, как и в предыдущие годы, в большинстве случаев отказ российских граждан от принятия детей на воспитание в свои семьи был обусловлен состоянием здоровья передаваемых на усыновление детей, наличием у них отягощенной наследственности. В некоторых случаях на такой отказ влияли возраст детей, их внешние данные, пол, неблагополучный социальный статус их родителей, а также невозможность установления психологического контакта с ребенком.

Родственники детей, как правило, отказывались взять ребенка на воспитание в свою семью со ссылкой на тяжелое материальное положение, отсутствие надлежащих жилищных условий, преклонный возраст, наличие собственных несовершеннолетних детей, состояние здоровья усыновляемых детей, а также на отсутствие родственных связей с ребенком.

При установлении судом обстоятельств, свидетельствующих о том, что родители усыновляемого ребенка, лишенные родительских прав, предприняли меры к восстановлению в родительских правах (обратились в суд с иском о восстановлении в родительских правах), суды на основании абз. 5 ст. 215 ГПК РФ приостанавливали производство по делу об усыновлении ребенка.

Так, в ходе рассмотрения Челябинским областным судом заявления иностранных граждан об усыновлении ребенка было установлено, что мать усыновляемого ребенка, ранее лишенная родительских прав, обратилась в районный суд с иском о восстановлении в родительских правах. В связи с данным обстоятельством производство по делу об усыновлении ребенка было приостановлено до рассмотрения указанного иска. После вступления в законную силу определения районного суда о прекращении производства по делу о восстановлении в родительских правах в связи с отказом истца от иска производство по делу об усыновлении ребенка было возобновлено и рассмотрено по существу с удовлетворением заявления об усыновлении.

Алтайским краевым судом было приостановлено производство по делу об усыновлении двух несовершеннолетних гражданами Италии в связи с поступлением в Центральный районный суд г. Барнаула иска

матери детей о восстановлении в родительских правах. Впоследствии Центральный районный суд оставил заявление без рассмотрения на основании ст. 222 ГПК РФ в связи с неявкой истца в суд по вторичному вызову. После вынесения указанного определения Алтайский краевой суд производство по делу о международном усыновлении возобновил.

Санкт-Петербургским городским судом производство по делу по заявлению граждан Италии об усыновлении несовершеннолетнего было приостановлено на основании абз. 5 ст. 215 ГПК РФ в связи с рассмотрением районным судом заявления об усыновлении несовершеннолетнего гражданкой Российской Федерации. С учетом установленных по делу обстоятельств, а также мнения самого ребенка, выразившего нежелание быть усыновленным данным лицом, решением районного суда в удовлетворении заявления об усыновлении несовершеннолетнего было отказано. После вступления решения суда в законную силу Санкт-Петербургский городской суд возобновил производство по делу об усыновлении ребенка гражданами Италии. Ребенок был опрошен судом в судебном заседании, подтвердил установление контакта с усыновителями — гражданами Италии и выразил желание стать членом их семьи. Заявление граждан Италии об усыновлении ребенка было удовлетворено.

В случае установления обстоятельств, свидетельствующих о возможности передать детей на усыновление их родственникам либо на воспитание в семье граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, суды принимали решение об отказе в удовлетворении заявления об усыновлении детей иностранными гражданами.

Разрешение вопроса о возможности усыновления детей отдельно от их братьев и сестер (п. 3 ст. 124 СК РФ)

Обобщение судебной практики показало, что при рассмотрении заявления об усыновлении ребенка, имеющего братьев и сестер, также оставшихся без попечения родителей, в отношении которых вопрос об усыновлении заявителями не ставился, суды исходили из положений п. 3 ст. 124 СК РФ, согласно которому усыновление братьев и сестер разными лицами не допускается, за исключением случаев, когда усыновление отвечает интересам детей.

В связи с этим суды, в частности, правильно проверяли, имеются ли у усыновляемого ребенка несовершеннолетние братья и сестры (как полнородные, так и неполнородные), относятся ли они к категории детей, оставшихся без попечения родителей, проживал ли усыновляемый ребенок совместно с братьями и сестрами, находясь они на время рассмотрения дела в одном либо в разных детских учреждениях, знает ли усыновляемый ребенок о наличии у него братьев и сестер, общаются ли дети между собой, испытывают ли они взаимную привязанность друг к другу, могут ли дети по состоянию здоровья жить и воспитываться вместе.

Так, например, при рассмотрении Волгоградским областным судом заявления граждан Италии об усыновлении несовершеннолетнего было установлено, что у него есть брат. В судебном заседании представитель органа опеки и попечительства пояснила, что усыновление мальчика заявителями не противоречит интересам ребенка, так как братья после изъятия из семьи были помещены в разные детские учреждения с учетом их индивидуальных особенностей и уровня развития, после чего братья не виделись длительное время и не общались, чувство привязанности у них не сформировалось. Оказавшись впоследствии в одном учреждении, братья родственных чувств друг к другу не испытывали, часто ссорились. В ходе проведения воспитательных мероприятий и коррекционно-развивающих занятий отношения между братьями улучшились, но родственные связи так и не восстановились. С учетом данных обстоятельств суд пришел к выводу о том, что усыновление ребенка отдельно от его брата не будет противоречить интересам детей.

Если у усыновляемого ребенка имелись несовершеннолетние братья (сестры), находящиеся на воспитании в семье опекуна, суды проверяли, предлагали ли органы опеки и попечительства гражданам Российской Федерации, являющимся опекунами братьев (сестер) усыновляемого ребенка, принять усыновляемого на воспитание в свою семью (в том числе на усыновление). Если указанные лица отказывались принять ребенка на воспитание, суды выясняли причины такого отказа, в том числе и путем допроса указанных лиц в судебном заседании.

Например, при рассмотрении Челябинским областным судом дела по заявлению граждан Италии об усыновлении ребенка было установлено, что усыновляемый ребенок имеет совершеннолетнего брата, проходящего службу по призыву в рядах Вооруженных Сил РФ, а также трех несовершеннолетних сестер, одна из которых проживает со своим отцом, вторая находится под опекой иного лица, а третья является воспитанницей Центра помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Как установлено судом, родственные связи между усыновляемым и его братом и сестрами отсутствуют. Отец сестры ребенка подал заявление о согласии на усыновление ребенка любым лицом, опекун второй девочки принять ребенка в свою семью отказалась, третья сестра и совершеннолетний брат также дали согласие на усыновление своего брата любым лицом.

Таким образом, как свидетельствует обобщение судебной практики, заявление об усыновлении ребенка, имеющего братьев и сестер, удовлетворялось судом только в том случае, если суд приходил к выводу о том, что усыновление ребенка отдельно от братьев и сестер отвечает интересам детей и не причинит им психологической травмы.

Применение судами положений ст. 127 СК РФ

При рассмотрении всех дел о международном усыновлении суды проверяли, не имеется ли обстоятельств, предусмотренных ст. 127 СК РФ, в силу которых заявители не могут быть усыновителями.

В этих целях суды, в частности, исследовали финансовое и материальное положение усыновителей, их жилищные условия, проверяли обстоятельства, связанные с наличием у них судимости, выясняли, как они характеризуются по месту их жительства, не лишались ли они родительских прав, не отстранялись ли от обязанностей опекуна (попечителя) за ненадлежащее выполнение возложенных на них обязанностей, не прерывали ли ранее процесса усыновления в связи с добровольным отказом от усыновления.

Для подтверждения отсутствия заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить ребенка (подп. 6 п. 1 ст. 127 СК РФ), по большинству рассмотренных судами дел данной категории заявители представляли в суд медицинское заключение врачей иностранного государства и заключение, полученное на территории Российской Федерации в порядке, установленном для граждан Российской Федерации.

В случае когда представленные заявителями заключения о состоянии их здоровья, полученные ими по месту своего жительства, соответствовали требованиям российского законодательства, оснований не доверять указанным заключениям у суда не имелось и каких-либо возражений от лиц, участвующих в деле, относительно несоответствия их действительности в суд

не поступало, суды исследовали вопрос о состоянии здоровья заявителей и об отсутствии у них заболеваний, препятствующих им быть усыновителями, на основании данных заключений.

Если представленное заключение не соответствовало приказу Минздрава России от 18 июня 2014 г. № 290н "Об утверждении порядка медицинского освидетельствования граждан, намеревающихся усыновить (удочерить), взять под опеку (попечительство), в приемную или патронатную семью детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также формы заключения о результатах медицинского освидетельствования таких граждан", судья оставлял заявление без движения и предлагал заявителям пройти обследование в медицинской организации Российской Федерации. Так, по двум делам, рассмотренным Волгоградским областным судом, в медицинских заключениях о состоянии здоровья, выданных по результатам медицинского обследования на территории Италии, отсутствовали результаты исследований усыновителей на вирусный гепатит "В" и "С", вирус иммунодефицита человека ВИЧ-1, ВИЧ-2. В связи с указанными обстоятельствами суд оставил заявление без движения и предложил заявителям пройти обследование в медицинской организации Российской Федерации.

В ходе рассмотрения Самарским областным судом одного из дел о международном усыновлении заявителям также было предложено пройти медицинское обследование на территории Российской Федерации в целях подтверждения отсутствия у них заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить ребенка. Такое обследование заявителями было пройдено, и по его результатам получено соответствующее заключение.

Разрешение вопроса о возможности усыновителей обеспечить детям полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие (п. 2 ст. 124 СК РФ)

В соответствии с п. 2 ст. 124 СК РФ усыновление допускается в отношении несовершеннолетних детей и только в их интересах с соблюдением требований абз. 3 п. 1 ст. 123 СК РФ, а также с учетом возможностей обеспечить детям полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие.

В целях соблюдения интересов усыновляемых детей суды выясняли, какие условия будут созданы усыновителями для гармоничного развития ребенка, готовы ли заявители усыновить ребенка с теми или иными заболеваниями, особенно в тех случаях, когда усыновляемый ребенок является инвалидом.

В связи с этим суды учитывали рекомендации, данные усыновителям в отношении возраста и состояния здоровья усыновляемого ребенка, содержащиеся в заключениях компетентного органа иностранного государства, в социально-психологических отчетах по результатам обследования условий жизни кандидатов в усыновители.

По каждому делу об усыновлении судьи в судебном заседании опрашивали усыновителей о готовности усыновить ребенка с имеющимися у него заболеваниями, в том числе и в случаях, когда состояние здоровья усыновляемого ребенка отвечало рекомендациям, которые были даны усыновителям. При этом усыновителям задавались, в частности, вопросы относительно того, что им известно об имеющихся у ребенка заболеваниях, их тяжести и о последствиях, а также о методах лечения, понятен ли им диагноз, установленный ребенку, были ли переведены медицинские документы детей на родной язык заявителей, каковы прогнозы на излечение данных заболеваний, в каком объеме и на каких условиях (бесплатно, страховка и т.п.) будет ока-

зана медицинская помощь ребенку в стране проживания усыновителей.

Вопрос о соответствии возраста и состояния здоровья усыновляемого ребенка рекомендациям, данным усыновителям относительно возраста и состояния здоровья ребенка, с учетом которых они признаны пригодными к усыновлению ребенка, проверялся судами, как правило, на стадии принятия заявления. В случае выявления несоответствия возраста или состояния здоровья ребенка рекомендациям, данным заявителям, им предоставлялся разумный срок для представления суду дополнительного заключения соответствующего компетентного органа иностранного государства о возможности усыновления ими ребенка указанного возраста и состояния здоровья. Такие случаи, в частности, имели место при рассмотрении дел о международном усыновлении Забайкальским краевым судом, Владимирским и Волгоградским областными судами.

При исследовании Волгоградским областным судом вопроса о возможности и готовности супругов — граждан Испании усыновить ребенка, страдающего рядом заболеваний, в ходе судебного заседания были опрошены заявители, которые пояснили, что знают о диагнозах мальчика. Заявители перечислили эти диагнозы, а также пояснили, что отправляли медицинские заключения о здоровье ребенка врачам в Испанию, которые подтвердили, что при оказании квалифицированной медицинской помощи ребенку, терпении и любви имеющиеся у него заболевания излечимы. Супруги также заверили суд в том, что при возвращении в Испанию ребенок пройдет полное медицинское обследование, их финансовые возможности позволяют обеспечить надлежащее лечение мальчика, а также, при необходимости, нанять специальных педагогов для преодоления диагноза ребенка, связанного с отставанием психологического развития. Заявление об усыновлении судом было удовлетворено.

Судьей Тульского областного суда при принятии заявления об усыновлении было установлено, что заявители — граждане Италии ставят вопрос об усыновлении двоих детей, один из которых имеет возраст 5 лет 7 месяцев и признан инвалидом. Установив данные обстоятельства, судья правильно предложил заявителям представить мнения социального работника и психолога относительно пригодности заявителей к усыновлению ребенка указанных возраста и состояния здоровья, поскольку, как следовало из приложенного к заявлению об усыновлении социально-психологического отчета, супруги были признаны пригодными к усыновлению ребенка (детей) в возрасте от 0 до 5 лет, не имеющих инвалидности или некомпенсируемых проблем со здоровьем.

Согласно представленным в Верховный Суд Республики Коми гражданами Испании психологическим и социальным отчетам супруги признаны способными к усыновлению в России ребенка в возрасте до 4 лет (на год младше воспитываемого ими сына). На день вынесения судом решения возраст несовершеннолетнего превысил 4 года. Суд, обсудив данное обстоятельство и приняв во внимание, что на день подачи в суд заявления об усыновлении возраст ребенка отвечал критериям, обозначенным в решении компетентного органа Испании о признании супругов способными к усыновлению, а также учитывая период нахождения дела в суде, на длительность которого повлияло приостановление производства по делу, признал допустимым незначительное превышение возраста усыновляемого и, исходя из интересов ребенка и желания усыновителей усыновить именно этого ребенка, удовлетворил заявление об усыновлении.

При возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний относи-

тельно здоровья усыновляемого, судом в соответствии с ч. 1 ст. 79 ГПК РФ назначалась экспертиза.

Так, в ходе рассмотрения Волгоградским областным судом одного из дел о международном усыновлении было установлено, что из представленного гражданами Италии социально-психологического отчета усматривалось, что супруги исключили возможность усыновить ребенка с тяжелыми заболеваниями, однако это не соответствовало состоянию здоровья ребенка, в отношении которого ими подано заявление об усыновлении. Сославшись на мнение врача специализированного дома ребенка, а также медицинских работников Италии, оценивших состояние ребенка по представленным заявителями видеозаписям, они выразили уверенность в отсутствии у ребенка заболеваний, содержащихся в медицинском заключении. Для установления действительного состояния здоровья ребенка, в частности уточнения медицинского диагноза, а также тяжести заболевания и прогноза его течения по делу была назначена комиссионная судебная медицинская экспертиза, по результатам которой установлено, что ребенок не страдает указанными в медицинском заключении заболеваниями. С учетом данного обстоятельства судом принято решение об удовлетворении заявления.

По одному из дел, рассмотренных Тульским областным судом, к участию в деле привлекался специалист в области педиатрии и детской неврологии для дачи пояснений относительно медицинских диагнозов усыновляемых детей с целью подробного разъяснения их усыновителям и выяснения вопроса о том, правильно ли заявители понимают эти диагнозы, а также для выяснения мнения специалиста о возможности освоения усыновляемыми детьми в связи с состоянием их здоровья иностранного языка.

В тех случаях, когда заявители ранее усыновляли детей (в том числе и детей, являющихся гражданами Российской Федерации), судами исследовались обстоятельства, касающиеся вопроса о том, насколько успешно такие кандидаты в усыновители справляются со своими родительскими обязанностями в отношении усыновленных детей.

В этих целях суды исследовали представленные социально-психологические отчеты об условиях жизни и о воспитании ранее усыновленных заявителями детей, медицинские заключения о состоянии здоровья этих детей, сведения из компетентных органов о выполнении заявителями обязательств по постановке усыновленных детей на консульский учет и представлению послеусыновительных отчетов.

Например, по одному из дел об усыновлении ребенка гражданами Италии, ранее усыновившими ребенка — гражданина Российской Федерации, Волгоградским областным судом в целях проверки надлежащего выполнения заявителями обязанностей по воспитанию детей исследовались заключение иностранной ассоциации, рекомендовавшей заявителей к усыновлению ребенка; отчеты об условиях жизни и проживания усыновленного мальчика, составленные компетентным органом иностранного государства с приложением фотографий; характеристики из учебного заведения в отношении мальчика с указанием роли родителей в его воспитании и обучении; заключение компетентного органа по результатам встреч с усыновляемым ребенком. Кроме того, судом было учтено мнение указанного ребенка, изложенное в дополнительном отчете ассоциации, который выразил искреннее желание как можно скорее увидеть сестру, которой он будет поддержкой в жизни и которой поможет адаптироваться в семье.

Установив, что усыновители относятся к воспитанию ранее усыновленного ребенка ответственно, заботятся о нем надлежащим образом, обеспечивают его

физическое и нравственное развитие в соответствии с интересами и возрастом ребенка, их взаимоотношения с ребенком основаны на привязанности, любви и взаимопонимании, суд пришел к выводу об удовлетворении заявления об усыновлении.

При рассмотрении дел о международном усыновлении судьи по каждому делу исследовали вопрос об установлении психологического контакта между заявителями и усыновляемым ребенком.

В этих целях суды правильно выясняли вопросы о том, каковы были длительность и периодичность общения заявителей и ребенка.

В судебном заседании судьями выяснялось у заявителей, достаточно ли им было времени для общения и установления контакта с усыновляемым, имеется ли необходимость в предоставлении дополнительного времени. При этом, разрешая вопрос о том, был ли указанный период достаточным, суд руководствовался в первую очередь тем, были ли встречи результативными, удалось ли заявителям расположить к себе ребенка, установлен ли психологический контакт между ними, поддерживали ли заявители связь с ребенком в период своего отъезда и возникала ли необходимость устанавливать этот контакт заново по возвращении. В суд представлялись письменные мотивированные заключения, подписанные специалистом органа опеки и попечительства, педагогом-психологом, воспитателем, главным врачом детского учреждения, наблюдавшими за этими встречами.

Как показало обобщение судебной практики, усыновители и ребенок общались при знакомстве в течение нескольких дней и по несколько часов, а также общались и непосредственно перед судебным заседанием в течение нескольких дней. Как правило, в период отъезда усыновителей общение с ребенком продолжалось посредством телефона, интернета, детям передавались подарки.

Решение об удовлетворении заявления об усыновлении принималось судом в тех случаях, когда суд приходил к выводу о том, что период общения усыновителей с ребенком был достаточным по времени и между ребенком и усыновителями установлен психологический контакт.

По всем делам судами также исследовался вопрос о прохождении кандидатами в усыновители подготовки в порядке, установленном п. 4 ст. 127 СК РФ.

В этих целях суды, руководствуясь положениями п. 8 ч. 1 ст. 271 ГПК РФ и приказом Минобрнауки России от 20 августа 2012 г. № 623 «Об утверждении требований к содержанию программы подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, и формы свидетельства о прохождении такой подготовки на территории Российской Федерации», проверяли наличие документов, подтверждающих прохождение иностранными гражданами подготовки кандидатов в приемные родители на территории государства, в котором они постоянно проживают.

Решая вопрос о том, надлежащим ли образом пройдена указанная подготовка, суды исследовали программу, по которой проводилась подготовка кандидатов в приемные родители, в том числе на предмет соответствия содержания ее разделов и трудоемкости требованиям, утвержденным названным выше приказом Минобрнауки России от 20 августа 2012 г. № 623.

В случае установления несоответствия содержания приложенной к заявлению программы указанным требованиям заявителям предлагалось пройти соответствующую подготовку на территории Российской Федерации (Иркутский областной суд).

Имели место случаи (например, в Забайкальском краевом суде, Иркутском областном суде), когда заявителями не были представлены документы, под-

тверждающие право иностранной организации, выдавшей документ о прохождении подготовки граждан, проводить такую подготовку и выдавать соответствующий документ. В такой ситуации судьи оставляли заявление без движения и предлагали заявителям устранить выявленные недостатки либо пройти подготовку на территории Российской Федерации.

В Забайкальском краевом суде имел место случай добровольного прохождения подготовки заявителями, не относящимися к категории лиц, которые обязаны в

силу действующего в Российской Федерации законодательства (подп. 12 п. 1 ст. 127 СК РФ) проходить специальную подготовку перед принятием в свою семью ребенка, поскольку указанные граждане являлись усыновителями (ранее усыновили ребенка — гражданина Российской Федерации) и имели положительный опыт усыновления.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
1 июня 2017 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е., Горшков В.В., Давыдов В.А., Журавлева Е.М., Момотов В.В., Нечаев В.И., Петрова Т.А., Пчелинцева Л.М., Рудаков С.В., Свириденко О.М., Хаменков В.Б., Харламов А.С., Хомчик В.В., Шилохвост О.Ю.**

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации**

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 28.05.2018.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 7,52. Тираж 8680 экз. Заказ 0137-2018.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.

109316, г. Москва, Волгоградский просп., д. 43, корп. 3, эт. 11, пом. XXVI, комн. 13К.
Телефон: 495-636-27-08.
E-mail: e.moiseeva@sinteria.ru
